
Дина Зарубина
Младшая внучка
18+

Дина Зарубина

Младшая внучка

«Автор»
2026

Зарубина Д.

Младшая внучка / Д. Зарубина — «Автор», 2026

Таких в обучение не принимают! Магом ей не стать никогда. Надо забыть о глупостях и покорно выйти замуж, за кого предлагают. Но младшая дочь мелкопоместного дворянина не смогла смириться. Как быть, если Солейн обожает магию? Она не сдастся! Она приедет в столицу и попробует поступить. Несмотря на противодействие семьи и насмешки сестер. Для кого-то бытовой факультет – унижение и провал, а для нее несбыточная и желанная мечта.Она на все готова ради осуществления своей мечты! Книга о дружбе, о любви и надежде.Сиквел по «Племяннице из провинции» и «Магии уюта». История третьей подруги Дженни и Ирмы. Можно читать отдельно и в любом порядке.

© Зарубина Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 47

Дина Зарубина
Младшая внучка

Неудачница. Никчемушка. Ладно бы, красивой была, но ведь обычная. Самая обычная девушка. Два глаза, рот, нос. Две руки, две ноги. Все самое обыкновенное.

И дар… Боги, как я молилась, как просила, дайте мне хоть капельку!

Капельку и дали. В следующий раз буду точнее просить. Ведро. Или ванну.

– Четыре искры, – сказал проверяющий с сожалением в голосе.

Ниже низшего! Мне хотелось упасть на пол и забиться в истерике. Всего четыре! Это почти что ничего. Хуже, чем ничто. Такое даже не запечатывают, потому что в моих руках может взорваться разве что спелый помидор.

Картонная корочка с жалкой четверкой. Ввиду ничтожности дара обучение не рекомендовано. Тратить на меня время нецелесообразно.

– Но для поступления достаточно шести искр, – недовольно сказала матушка. Разумеется, она надеялась на лучшее. Я снова ее подвела.

– Шести, но не четырех, – согласился проверяющий. – В данном случае нехватка резерва играет решающее значение. Донна Фада, вашу дочь не примут в обучение. Трехдневного курса по контролю достаточно, но и это не обязательно, она никому не сможет навредить при всем желании.

Бах! Внутри меня упала и разбилась на мелкие осколки надежда. Два крохотных пункта! Всего два!

Этого никто не слышал, я даже не позволила себе зажмуриться, или скривиться… Четыре жалкие искры… За что?

Сестра Моник кинула на меня полный презрения взгляд.

Нет, ее тоже не послали бы в академию. У нас просто нет денег. Четыре дочери в семье… Но десять искр… целых десять! Давали ей право учиться на трех факультетах! Алхимическом, бытовом или зельеварном. На выбор.

Только кто бы ей позволил уехать? Ни приличного гардероба, ни компаньонки, ни кареты с лошадьми. Дворянская дочь не может опозорить семью, явившись в столицу, как нищенка, с узелком за плечами.

Зато ей сразу нашли жениха.

Пусть ее жених сорокалетний вдовец с двумя детьми, но десять искр давали шанс на рождение одаренного ребенка. Пособие от королевства, налоговые льготы… Подтвержденная активная десятка делала Моник завидной невестой.

А меня никто не хотел. Слабосилок. Ниже нижнего предела. Таких не учат. Таких оставляют на развод из жалости. Но, чтоб получился одаренный ребенок, мной должен заинтересоваться сильный маг… много сильнее меня. И где такого отыскать?

Мама приказала перешить мне платья старшей сестры, Руперты. Она вышла замуж два года назад. Настоящий граф, пусть облезлый, кривоногий и лысый… Зато Руперту взял, считай, в одной рубашке.

У нее не было дара. Но Ру была сказочно хороша собой!

Золотые локоны крутыми спиралями, яркие голубые глаза, нежный румянец, божественные ноги… Талия, как у осы, и круглая попа, а также грудь, соблазнительно колыхающаяся в низком вырезе. Мне похвастаться было нечем. Ни внешностью, ни даром не вышла.

Если красавицы все же находят желающих на сочный спелый персик, то дурнушкам не светит ничего, кроме солнца.

Просто никакая на фоне сестер. Ру – красотка. Соника – высокая, атлетичная, то, что в деревне называют «кровь с молоком». На такую фигуру полно желающих. Моник – полная ее

противоположность, нежная хрупкость, такая воздушная и неземная… правда, сладкие булки, сало и жирное мясо трескала только в путь, и ругалась, как сапожник, но ведь этого никто не видел. Зато с приличным даром.

Мы должны скрывать свои недостатки до свадьбы.

У меня недостатков не было. Но и достоинств тоже. Обычная. Серая. Невзрачная. Ни роста, ни округлостей, ни острого языка… Последняя надежда матери на рождение сына-наследника. Несбывшаяся. Ненужная, лишняя дочь. Хорошо, что лекари запретили ей рожать дальше. Нас могло быть семеро, как у донны Урсулы. Каждый год по дочери! И все мелкие, рыжие и конопатые, как под копирку.

Мама заламывала руки и причитала. Четыре дочери… каждой нужно приданое, она не может в дом мужа пойти нищей и голой. Чем она занималась десять лет своего детства?

Надо было ткать, вышивать, вязать, шить…

Помню, в семь лет мать посадила меня в рукодельной перед стопкой нарезанных кусков полотна и показала, как подрубать край обметочным швом. А когда я спросила, останется ли приданое мне, или его промотает супруг, получила пощечину. Чтоб не ленилась и не задавала глупых вопросов.

На месте Моник я бы пешком ушла в академию. Плевать мне на дворянское достоинство и герб. Но Моник даже в начальную школу магии не ходила, хотя обучение там было бесплатным. Так повелел король.

Королевству нужны маги, любой направленности и силы, всем работа найдется, достаточно придти в храм, любое учебное заведение, и измерить дар. Тебе обязаны оказать полное содействие, направить в ближайшую школу, сообщить властям и получить премию. Скрывший мага облагается серьезными штрафами. Но зачем скрывать, если семья мага сразу получает привилегии? Больше дар – больше привилегий.

Но мать ни за что не позволила бы Моник появляться в заштопанном платье и сидеть за одной партой с дочкой сапожника или пекаря.

Ладно, признаюсь, я назвалась Моник и бегала в школу вместо нее целых два месяца. Благо, мать меня видеть не могла, и крайне редко вспоминала о моем существовании.

Меня прикрывала нянюшка. Ничему особенно важному меня научить не успели: основы контроля, правильное дыхание, и очень много рассуждений о важности магии и об ответственности магов перед неодаренными. Но потом кто-то из родителей учеников встретил мать в храме и разболтался об успехах ее дочери Моник в школе.

Искать было недолго. Мама же отлично знала, что Моник сидит дома и никакого желания учиться магии не проявляет. Это же скучно! Долго, муторно, а с ее уровнем силы только научишься полы мыть да пыль смахивать. Бытовая магия – удел простолюдинов, а она дворянская дочь! Не служанка, а будущая хозяйка дома.

Не будет она ручки пачкать и заниматься унизительной работой. Было бы хотя бы двадцать искр, ее бы запечатали, а тут решение оставалось за семьей и обладателем дара.

Нянюшку выгнали в тот же день, а меня за ухо привели из школы домой и выпороли. Матушка лично отхлестала кожаным поводком от своей собаки.

Результатом моей выходки стало то, что мы закрыли дом в городе и перебрались в деревню.

Там воздух чище, а продукты дешевле. И школ нет. Вообще никаких.

Все сестры знали, кому они обязаны переездом из веселого, шумного Цехейма в деревню, и объявили мне бойкот, предварительно высказавшись о моей дурости и бездарности. Ни одна не захотела разделить со мной комнату, их не так много было в деревенском доме. Меня выселили на чердак.

Таких как я, не учат, а в городе жить было намного интереснее, чем в сельском захолустье. Я подвела всех, опозорила семью, дура и выскочка, вообразившая себя магичкой.

Единственный, кто обрадовался – это отец.

Он вообще редко приезжал в город, занимался нашими землями, пытаясь выжать из скудной земли хоть сколько-то далеров. Мать ненавидела деревню, крики гусей, запах навоза и простецкие нравы. Ее бесило, что соседи приходили в гости, когда им вздумается, а не в приемный день. Так что она была постоянно раздражена и капризна, и в нынешнем ужасном прозябании обвиняла меня.

У нее тут никакого достойного общества нет! В Цехейме она дружила с женой градоначальника и городского судьи. И у них разговоры были куда возвышеннее видов на урожай и рецептов домашних заготовок. Тут совершенно невозможно приискать дочерям партию! Однако нашлись женихи и для Руперты, и для Моник.

Соника же неожиданно увлеклась хозяйством. Она вставала до света, с отцом они вместе то объезжали поля, то обсуждали сорта репы и пшеницы, то достоинства каких-то телок. Когда матушка попыталась снова загнать Сонику в рукодельную, отец воспротивился на удивление жестко. Сказал, что хоть кто-то в семье должен помогать, а не висеть камнем на шее. Так что Соника получила неслыханную свободу, а мать не разговаривала с отцом целый месяц.

Со мной тоже никто не желал общаться в доме.

Сестры только фыркали, а мать поджимала губы, видя во мне источник всех бед. Обстановка была гнетущая, я бродила по полям целыми днями, пока мать не спохватилась, что бродяжничество ни к чему хорошему не приведет и негоже дворянке ходить за ягодами в лес или купаться в ручье, как какой-то селянке.

Меня заперли дома. Выходить только с семьей и только в храм.

Книги дома были только по сельскому хозяйству, читать их было попросту невозможно. Единственное, что мне оставалось, кроме вышивки и вязания, это повторять упражнения, выученные во время моего короткого побега за знаниями. До упора, до посинения и до темноты перед глазами. И вот однажды я ощутила тепло в груди. Это было так неожиданно, что я охнула и моментально растеряла концентрацию.

– Что случилось? – неприязненно спросила мать.

– Уколола палец, – тут же соврала я, опустив лицо. Чтоб не осветить рукодельную комнату лучами радости. Это магия! Я ее чувствую, как крохотное солнышко внутри. Значит, четыре искры не приговор, надо больше стараться.

Я стала тренироваться еще больше. Сестры втихомолку смеялись надо мной, потому что я сидела со стеклянными глазами, совершенно не слыша их разговоров и не реагируя ни на что.

Руперта уехала к мужу, скоро уедет и Моник. Папа постоянно будет занят с Соникой, а я останусь с мамой, откровенно третирующей меня. А поскольку за годы пребывания в деревне характер ее стал намного хуже, перспектива меня ужаснула.

Я напросилась на ярмарку, и отец согласился взять меня. Мама не признавала грубых простонародных развлечений и только скривилась, сказав, что после свадьбы Моник займется моим воспитанием вплотную. Она меня упустила, но наверстает. А если не сумеет исправить мой норов, то отправит в монастырь. Достаточно она пережила из-за меня позора.

На ярмарке первым делом я отправилась в палатку с магометром.

Не у всех жителей Кэллавейна под боком есть школы или храмы. Переносные магометры всегда устанавливали на ярмарках, чтоб любой мог проверяться. Чтоб ни один маг не остался незамеченным от ока властей.

Я пять лет раздувала свой огонек в груди, и сейчас могла ощутить поток силы ладошкой и кончиками пальцев, даже каждым пальцем отдельно, и зажечь свечу прикосновением. Я так радовалась, когда у меня получилось!

Довольно молодой, заспанный маг вяло ответил на мое приветствие, и приказал положить руки на хрустальный шар на подставке.

– Четыре искры, донья.

Как четыре? Я же старалась! Этого просто не может быть!

Маг пожал плечами и обнулил показания. Я сосредоточилась и напряглась. Одна, две, три, четыре… столбик остановился, как я не поднимала его взглядом.

– Четыре. Мало, – разочарованно сказал маг. Он даже записывать меня в реестр не стал.

Кэллавейну такие не нужны. Мусор, отбросы.

Что же мне, возвращаться домой и всю жизнь прислуживать истеричной матери, исполняя ее капризы? Кто-то из сестер, (я подозревала Моник), недавно подложил мне тайком под подушку веревку и кусок мыла. С намеком.

– Вот ты где, – нашла меня Соника.

Я огляделась. Оказывается, я застыла статуей отчаяния у столба какой-то палатки.

– Что, четыре искры? – Спросила вдруг сестра. И кивнула, так и не дождавшись ответа. – Тебе надо ехать в столицу. Есть же магические специальности, где требуются совсем крохи магии. Архивариусы, регистраторы, библиотекари… я не знаю, но ведь есть вспомогательный персонал. Они тоже нужны и уважаемы!

Что? Соника говорит серьезно? Я подняла полные неверия глаза на старшую сестру.

– Ты не создана для деревни. И не создана для замужества. А матушка убьет тебя скорее, чем добьется смирения. Удивляюсь, как ты терпишь ее придирки. Она стала совершенно невыносимой.

Как? Просто не слушаю, внутренне концентрируясь на дыхании и ощущениях движения потока силы. И машинально киваю. В столицу… я опустила глаза, рассматривая в пыли следы своих обшарпанных туфель.

– Вот, – Соника сунула мне в руку узел. – Положила тебе две смены белья, сорочку, чулки, расческу, кофту. Идем, посажу тебя на дилижанс.

Я открыла рот в изумлении.

Соника нахмурилась.

– Разве ты не это задумала, напрашиваясь с нами на ярмарку?

– У меня же денег нет! – отчаяние вырвалось из глубины души. Как я могу уехать?

– Конечно, нет, – фыркнула Соника. – Зато у меня есть.

– Откуда? – поразилась я. Деньгами в доме ведала матушка.

– Мы продали три воза сена. Чистый клевер! А новое шелковое платье матери в деревне ни к чему, – Соника вдруг подмигнула мне. – Идем же!

И я пошла за ней, так и не закрыв рот. Не в силах поверить.

– Ну вот, двенадцать далеров до столицы, на еду в дороге шесть, не вздумай экономить и голодать, а то и четырех искр не покажешь! Маги должны питаться нормально. И еще десять от папы, – Соника вложила тощенький кошелек мне в руку. – Ты проявленный маг! Понимаешь? Не какой-то спящий потенциал, хоть четыре, да все твои, я же правильно поняла, ты гоняла свой поток целыми днями?

Я только кивнула. От папы? Разве он знает?

– Конечно, знает, глупенькая, – рассмеялась Соника. – Мы обсудили с ним, что в монастыре тебе делать нечего, загубят только, а в столице, может, удастся пристроиться. Если не примут студенткой, так хоть лаборанткой или служительницей возьмут… зацепиться в академии хоть кем! Хоть полы мыть или пробирки. Да хоть мантии стирать! Зато, как у сотрудника, будет доступ к библиотеке, лекции сможешь посещать. Ты упорная, ты и сама сможешь многого добиться.

– Соника… – в носу щипало, и я часто заморгала.

– Но-но! Просто мне понравилось жить в деревне. Я на тебя не в обиде, мне здесь больше нравится. – Соника дала мне в лоб щелбан.

Дилижанс, огромный, запряженный четверкой крепких лошадей, стоял на почтовой станции, возчики привязывали последние сундуки.

– Спасибо, Соника, ты не представляешь… – я прижала к сердцу узелок с вещами.

– Ой, вот только не надо этого, – поморщилась она.

– Успел! – из толпы, снующей на ярмарке, вылетел папа. – Вот, купил тебе сумку, с узелком совсем уж по-деревенски будет, засмеют тебя в столице. Там пироги с яйцом на дорожку, и небольшая фляжка с водой.

– О, папа! – я растроганно обняла отца.

Сумка была самая простая, парусиновая, коричневая, с широкой плечевой лямкой и латунной пряжкой, но совершенно новая и вместительная. Если меня примут, то с ней и на занятия ходить можно будет. Ни за что не вернусь!

***

Через два дня я стояла перед академией и старалась унять волнение. Оно буквально витало в воздухе.

Шел последний день приема абитуриентов. Внутренний двор огромного серого здания со шпилями и башнями был полон претендентами. С большим огорчением я заметила, что таких, как я, мало. Сереньких, в недорогой одежде. Аристократы всегда стремились усилить свою магию, поэтому дорогих атласных платьев и расшитых камзолов тут было значительно больше, чем полотняных рубашек и саржевых юбок.

– Привет, я Ирма, – обратилась ко мне темноволосая девушка с серыми глазами, в простой рубашке и коротковатом сарафане. – Ты на какой факультет хочешь?

– На бытовой, – вздохнула я. – Меня зовут Солейн, но лучше Салли. Салли Фада.

Мы пожали руки.

– Ирма Тиман. Ты из деревни, верно? Я тоже. У родителей ферма в Гедарефе.

Я только кивнула, не желая распространяться о своем дворянстве. Что поделаешь, высокое сословие не равнозначно обеспеченности. Особенно, если предки только транжирили,

пили, ели, играли, содержали любовниц, закатывали балы и турниры, и не умели приумножать богатство. Все титулы и привилегии оставались за стенами академии, так что это было неважно.

– Я из Цехейма, – только успела ответить, как позвали следующую десятку претендентов, Ирма упорхнула к приемной комиссии.

Буквально через десять минут она вышла, улыбаясь, на крыльцо.

– Взяли, взяли, меня взяли! – Ирма танцевала вокруг меня, кружась и подпрыгивая.

Я натужно улыбалась. Ирма сегодня будет ночевать в общежитии, как студентка, а я, возможно, в самой дешевой ночлежке столицы.

– Боги, какой красивый! – Ирма вдруг остановилась.

В середине внутреннего двора стоял высокий кудрявый блондин в белом с золотом камзоле. Будто жениться пришел. Но парень действительно видный, очень ладный, с прямой спиной и развернутыми плечами. Сразу видно, аристократ. Сапоги блестели, что зеркало. На рукаве вышитый золотом герб.

Ирма схватила меня за руку и потащила вперед, к окружившей франта толпе.

– Конечно, поступлю на артефактора, – снисходительно ответил франт на вопрос одной из девушек, восхищенно пожирающих его глазами. – Иначе быть не может. Наша семья потомственные артефакторы. Мун Цунхве, да нас при дворе все знают!

– Не поступишь, – вдруг громко сказала Ирма.

Все обернулись. С возмущением и недоумением. Кто тут вмешивается в разговор титулованных?

В голубых глаза парня отразилась досада. Кто-то смеет сомневаться в его словах? Он окинул Ирму долгим взглядом. Как это прекрасно проделывала моя матушка, желая выразить мне свое неудовольствие. Сверху вниз и обратно, еще презрительно губы скривить скобкой. Чтобы ты знала: в тебе нет ни единого места, не оскорбляющего ее эстетические чувства.

Пыльные башмаки, скромное льняное платьице, потертая сумка, слегка растрепавшиеся волосы, ничего не пропущено. Человек просто обязан смутиться и покраснеть. Особенно на фоне такого красавчика, одетого с иголочки и пахнущего дорогой парфюмерной водой.

– На артефакторном уже мест нет. Полный набор, – щеки Ирмы ожидаемо порозовели.

– Глупости, – пренебрежительно бросил франт. – Для Мун Цунхве всегда место найдется!

В толпе прихлебателей раздались согласные возгласы.

– Ты конечно, будущая бытовичка, – бросил он Ирме. – Поговорим чуть позже, мне понадобится прислуга с даром. Надеюсь, ты умеешь убирать комнаты и стирать тонкое белье с кружевами.

Ирма вспыхнула и потащила меня прочь. Кругом раздавались смешки.

– Ничего смешного! Бытовая магия всем нужна! – рявкнула Ирма. – Особенно тем, кто палец о палец сам ни разу не ударил!

– Так я разве против? Кто-то работает, а кто-то пользуется результатами труда, все логично, – ухмыльнулся франт.

Ирма спрятала руки за спину. Но я и так знала, что руки у нее твердые и мозолистые. Девушке приходилось много и тяжело трудиться. Много больше, чем мне, и уж конечно, больше, чем этому выскочке. Я-то в рукодельной сидела десять лет, а Ирма знает, что такое покос, скотный двор и огород.

– Не обращай внимания. Спорю, он в жизни не стирал, не готовил и не гладил, – сказала, чтоб ее утешить. – И носки за ним слуга всегда подбирал.

– Почему, если парень красивый и богатый, то обязательно сволочь? – спросила Ирма с тоской.

Я внимательно на нее посмотрела. Вот уж не вовремя попался этот Цунхве! Взгляд рассеянный, руки теребят юбку, губы кусает. Плохие признаки. Ответы придумывает, чтоб уни-

чтожить парня, который про нее уже забыл. Возле него восемь нарядных и хорошеньких девушек вьются и в рот заглядывают.

– Только не говори, что ты в него втюрилась.

– А я и не говорю! – взъерошилась Ирма и тут же опустила плечи. – Я… я не знаю.

– Ты учиться приехала, а не влюбляться. Станешь лучшей на курсе, он сам за тобой будет бегать, – уверенно сказала я. – В академии смотрят не на титулы, а на способности и знания.

Франт величественно помахал рукой своей группе поддержки и скрылся в дверях академии. Группа тут же распалась, но большинство девиц сверлили Ирму многообещающими неприязненными взглядами.

– А ты чего не идешь? – спохватилась Ирма. – Смотри, через пятнадцать минут прием кончится.

– Боюсь. У меня резерв маленький, – прошептала, опуская глаза.

– Я тоже не архимаг, – удивилась Ирма. – Всего десять искр!

Я посмотрела на нее с завистью. Целых десять! Счастливица!

Вообще-то обнародовать размер резерва неэтично, преподаватели и так видят, кто на что способен, а высокий дар еще не показатель образцовой учебы. Не то, чтоб большой секрет, но обнародование не поощрялось. Иначе высокоуровневые начнут гнобить середняков и слабосилков. Хотя и так ясно, что стихийники намного сильнее тех же целителей или артефакторов.

– Ты так смотришь, будто у тебя намного меньше, – засмеялась Ирма. – Иди уже! Я хочу жить с тобой в одной комнате, учти!

– Да, конечно, – кивнула, чувствуя, как в горле образовался колючий комок.

– Поторопимся, через десять минут после гонга никого не примем! – прокричал служащий.

Самые неуверенные потянулись жидкой струйкой к дверям.

– Положите руки на магометр, – не глядя на меня, привычно распорядился молодой магистр с козлиной бородкой. – На какой факультет планируете поступать, донья Солейн Фада?

– Бытовой, – вздохнула я и зажмурилась.

Время остановилось, мухи замерли в полете, и вдохнуть у меня никак не получалось.

– О-о, – разочарованно протянул маг. – Нет, девушка, с вашим уровнем вы не сможете у нас учиться.

– Смогу! – облизала пересохшие губы. – Испытайте меня!

– Минимальный уровень для бытового факультета шесть искр, – раздраженно сказал магистр. – Вы не проходите. Всего доброго!

– Но у нас на бытовом недобор, – повернулась к нему полная магичка в светло-зеленой мантии с эмблемой зельеварного факультета. Котелок, окруженный венком из трав и цветов, блеснул золотой нитью в заходящем солнце.

– И что, будем брать вовсе бездарных? – сварливо спросил козлобородый магистр.

Магичка наклонилась к его уху и зашептала быстро и горячо. «Недобор, финансирование урежут… выгнать всегда успеем», – это я расслышала совершенно четко и покраснела от острого унижения.

– Что у вас, магистр Нир Буренго? – благожелательно спросил кто-то за моей спиной.

– Да вот, экселенц Веласко, снова слабая студентка. Искр не хватает до проходного балла, – развел руками магистр. – Сейчас закроем ведомость. Если бы стоял вопрос, семьдесят две или семьдесят искр, было бы не принципиально. Но в данном случае разговаривать не о чем.

Мужчина за моей спиной был высоким и худощавым, с короткой кудрявой бородкой и спокойным взглядом. На его груди, на коричневой атласной ленте висел знак бытового факультета: скрещенные метелка и половник, окруженные надписью по кругу «Уют и порядок, забота и труд».

– А вы на нее смотрели или только на магометр? – спросил декан бытового факультета, бросив на меня быстрый взгляд.

– Конечно, экселенц Веласко, у нее крайне низкий потенциал, – обиженно поджал губы козлобородый.

– Да, маноядро крошечное, – согласился декан. – Но на удивление плотное. И при этом феноменально разработанные каналы, даже периферические. Не у каждого боевика такие при выпуске, не говоря уже о поступлении!

Магистр-огневик и зельеварка тут же прищурились, глядя сквозь меня.

– В самом деле, – поморгала магичка. – Девочка явно не один год упорно трудилась, надо дать ей шанс.

– Она не вытянет! Зачем ее брать, если через два месяца будем отчислять за неуспеваемость? – упорствовал магистр. – Тем более, что только что на бытовой принят Леонард Цунхве. Набор закрыт. Посмотрите, какие студенты! Реми Гуччо – удивительная мощь! Я бы с радостью взял его на свой факультет Огня! Филипп Нуаре тоже прошел бы на стихийный! Тизоле, Бундиаль, старые семьи с очень приличным уровнем. А тут что?

Магистр зельеварения вдруг зафыркала, маскируя смех кашлем.

– Цунхве рвался на артефакторный, – заметила она мимоходом.

– Возьмем девочку сверх набора. – Спокойно распорядился декан. – Будет не двадцать девять человек, а тридцать, очень приятное круглое число. Три группы по десять студентов. Пять пар для тренировок. Идеально.

– Чтобы было, кого выгонять после первой сессии? – ядовито спросил огневик.

Я прикусила губу. Внутри клокотал гнев. О, нет, такой возможности я им не доставлю! Спать не буду! Умру! Но все-все выучу и сдам!

– Хватит мучить ребенка, она вся белая! – заявила зельеварка. – Поздравляю, донья Солейн, вы приняты! Возьмите студенческий жетон, по нему заселитесь в общежитие и будете питаться в столовой.

Бам-м! Прозвучал гонг.

Магистр-огневик со злостью прижал печать к ведомости. Через секунду все бумаги со столов приемной комиссии исчезли. Магистры начали вставать, переговариваясь и потягиваясь.

Прием студентов был окончен. Декан улыбнулся.

– Я буду следить за вашими успехами, донья Фада. Не подведите меня.

Я пролепетала тысячную долю переполняющей меня благодарности и вылетела во двор, прижимая жетон к груди.

В центре двора стоял франт Леонард, но лицо его было красным, а прическа всклокочена, будто он несколько раз влез в укладку руками и дергал себя за волосы. Он взмахивал руками и гневно возмущался, что его загнали на факультет прислуги! Он этого так не оставит, у него дядя помощник бургомистра столицы! Его непременно переведут, вот увидите!

– Ну как? – подхватила меня за локоть Ирма.

Я раскрыла ладонь с жетоном.

– Ну вот, а ты боялась! На бытовой самый низкий проходной, всего шесть искр, любой поступит!

– У меня всего четыре, – призналась я.

Ирма ойкнула и прижала пальцы к губам, уставившись на меня круглыми глазами.

– Я пойму, если ты не захочешь со мной жить, – вздохнула я. Не хочу быть в тягость. Все хотят дружить с сильными и успешными студентами, чтоб домашку было у кого списать или со сложным вопросом разобраться.

Ирма сморщила нос.

– Если тебя взяли, то верят в твой потенциал. Я тоже в тебя верю! Пошли заселяться!

И мы пошли.

Общежитие, столовая, библиотека, склад. Мы пыхтели со стопками учебников, как ежики, пока тащили книги на третий этаж. Ужас, сколько придется учить. Мало того, что книги толстые, так еще по два-три тома.

Но надежда у меня была продержаться не до первой сессии, а дольше. История магии, теория магии, астрономия, минералогия, ботаника, рунистика, каллиграфия, медитация и физическая культура, там нигде не требуется магии! Вот на «Основах конструирования артефактов» и практикуме по бытовой алхимии понадобится, но надеюсь, справлюсь. Начнут ведь с самого простого, элементарного?

Комната оказалась большой, квадратной и порядком запущенной. Но все нужное тут было: две узкие кровати, шкаф для одежды, книжный шкаф, два стола и два стула. Щербатый пол и дешевенькие розовые обои пузырями. Наверное, так стимулируют к учебе бытовых магов. Хочешь жить в комфорте и чистоте – учись, студент!

Но мы пока ничего не умели, поэтому вздохнули и работу поделили: Ирма моет полы, я окно и шкафы со столами. Тазики и ведра стояли горкой в бытовой комнате, там же нашлись и тряпки со швабрами. Шторы снимем и постираем завтра, сегодня уже просто сил нет.

Уснула я с учебником минералогии на лице. Начала было читать, чтоб узнать, что за зверь такой, но глаза сами собой закрылись.

***

Первая неделя пролетела, как один миг. Ужасно, когда все преподаватели считают свой предмет самым важным и самым нужным. Мы едва отдуваться успевали!

Задавали они столько, что у меня глаза на лоб лезли.

Мы с Ирмой оказались в одинаковой ситуации, обе отставали от городских ребят. Сельская школа не столичный лицей.

Мне не давалась каллиграфия, Ирме теория магии. С астрономией и географией тоже было плохо. Я про астрономию знала только, что она есть, и учебник довольно толстый. Это, наверное, очень сложная наука про астры? Углубленный курс цветоводства? Только внутри нарисованы были не цветы, а какие-то схемы и чертежи.

Оказалось, наука о движении небесных тел. Они еще и движутся? Уж не знаю, каким фантазером надо быть, чтоб в неправильном скоплении огоньков на небе видеть скорпиона или в кривом ковшике медведя. Хихикай, не хихикай, а учить придется.

А в столице была обсерватория и даже планетарий. Всех школьников туда водили. Леонард не упускал случая пройтись по «сельским невеждам». Зато Ирма превосходно считала, я только успевала восхищенно вздыхать.

Оказывается, она на своей ферме вела все счетные книги, выдавала жалованье работникам, и ни разу ни в далере не ошиблась. Еще у нее оказались способности к рисованию и черчению. Она и сама удивилась, получив первую работу по каллиграфии с высшей оценкой. Мои закорючки ни в какое сравнение с ее ровными линиями не шли. Я знала, что у меня просто ужасный почерк, но все равно расстроилась.

– У тебя не почерк ужасный, – сурово сказала Ирма. – Ты просто торопишься и небрежничаешь, дергаешь рукой, оттого калякаешь, как попало. Мы купим тебе прописи для первоклашек, и ты это исправишь. Недопустимо писать так руны! Ты же демона вызовешь, а не уборочный вихрь!

Я уныло обозрела лист, исчерканный красными пометками, и вздохнула. Горько и обидно будет быть отчисленной из-за того, что пишешь, как курица лапой. Ирма совершенно права. Пяти листов прописей на сон грядущий мне не избежать.

Мы получили первую стипендию. Ирма призналась, что мама дала ей пятьдесят далеров, но она промотала больше половины неизвестно на что, оказавшись в столице. У меня и вовсе было только десять далеров. Приличная сумма в деревне, но в столице гроши.

Квалифицированная горничная получает не меньше двенадцати-пятнадцати далеров в неделю. Но мы пока ничего не умели, а времени, чтоб скрести тарелки в ближайшем трактире, совершенно не оставалось. И без того ложились заполночь; пока уроки все сделаешь, раньше не получалось.

– Значит, пишем списки самого необходимого, – заявила Ирма. – И ничего лишнего не покупаем! Я подсчитала, больше всего тратится на ерунду: пирожки, булочки, конфеты и пряники. Итак, пишу мыло, шампунь, крем для рук. Стиральное мыло. Тетради толстые и тонкие, чернила, ручки, цветные карандаши. Угольники, линейки, транспортиры. Альбом для рисования. Два альбома, на ботанику и на минералогию, – Ирма сверилась со списком и огорченно присвистнула. Альбомы были ужас, какие дорогие, по три далера. Нет, в канцелярской лавке были и по двадцать, но это уж вовсе немыслимая сумма.

Ирма просто обожала делать списки. Мне никогда не приходилось ни считать расходы, ни делать списки. Да я и денег то раньше в руках не держала, деньги были у матушки. Я ощутила себя расхлябанной мотовкой. Такой организованности стоило поучиться! Ирма всегда знала, сколько у нее в кошельке, сколько она потратила за день, за неделю, за месяц. Составляла список дел, список покупок, список желаний… каюсь, я туда заглянула, и огорченно вздохнула, увидев инициалы Л.Ц. в сердечке.

Не шел этот гад у Ирмы из головы. Она была абсолютно практичной, разумной и осторожной во всем, что не касалось Леонарда. Он делал ее восторженной идиоткой, радостно пускающей слюни. Не знаю, почему я избежала всеобщей влюбленности, но у меня Лео и его скользкий дружок вызывали антипатию.

К моему глубокому сожалению, Леонард оказался с нами в одной группе, как и его приятель Филлип Нуаре, метящий в военные интенданты. Этот хитрец вполне мог пройти на боевое, но подал заявку на бытовой. Рассудил, что тут ему не придется напрягаться, а кормить и одевать солдат намного выгоднее, чем самому лезть под огненные шары или ледяные копья.

Хуже них был только Реми Гуччо. Как у крестьянина оказалось семьдесят искр, никто не мог предположить. Ну, то есть, предполагали, но Реми неизменно отвечал кулаками на предположения, и признавал только божественное вмешательство, а не какого-то проезжего мага.

Пока эти снобы шипели и фыркали, хвастаясь титулами и высокопоставленной родней, все было неплохо.

Но через месяц, когда нас начали хвалить на занятиях и подчеркивать, что одного уровня мало, чтоб стать умелым магом, ситуация изменилась. Лео и Фил смекнули, что старательная влюбленная дурочка может пригодиться. Насмешки прекратились, теперь их заменило умильно-просящее выражение на смазливой морде.

Ирма теряла волю, когда он к ней ласково обращался, начинала заикаться и не могла отказать ни в чем.

Я бесилась, но ничего не могла сделать.

Никакой критики кумира Ирма не позволила бы, мы разругались бы вдрызг. Оставалось только слегка подправлять ее движения и не давать Леонарду окончательно сесть девушке на шею. Она и так решала домашние работы за себя и за него, писала доклады и выполняла работы по каллиграфии, но, к счастью, отвечать у доски и сдавать контрольные ему приходилось самому, и получать справедливые оценки.

Когда хотел, Лео был очень приятным парнем, даже приглашал нас гулять. Как житель столицы, он действительно знал интересные места, так что удержать Ирму в общежитии не представлялось возможным, когда Лео ее звал. Будет ведь потом ночью материал нагонять! И я заодно.

Как мрачный надсмотрщик, я следовала за ней, обламывая все планы Леонарда на соблазнение подруги. Лео хотел закрепить успех. Должно быть, он пожаловался Филу, и тот начал проявлять повышенное внимание уже ко мне. Липкое внимание мне претило, но бросить Ирму я не могла.

Любви одногруппниц это нам не прибавило. Знатные и богатые девушки считали себя более заслуживающими внимания, чем две нищие селянки.

Ирма вовсе ничего не замечала, поглощенная уроками и любовью, так что огрызаться тоже пришлось мне. Я научилась уворачиваться от тычков и подножек, бдительно следить за нашими вещами и освоила простейшие щиты быстрее самой Ирмы. Надоело отстирывать руками пятна от супа и чая, на нас с поразительной частотой в столовой падали тарелки и стаканы. Эти столичные девчонки удивительно неуклюжи и косоруки. Особенно в присутствии парней.

– Лео сказал, что ты нам завидуешь и поэтому таскаешься следом, – как-то задумчиво сказала Ирма, расчесываясь.

Я даже руками всплеснула от возмущения. Я так старалась сохранить нашу дружбу, берегла подругу, а Лео решил вбить клин между нами? Умно! Ирма была удивительно светлым и бесхитростным человеком, а он захотел по самому больному ударить?

– У меня Фил есть, – возразила я, кстати вспомнив о прилипале. – Он баронет и у них есть настоящий замок!

– Я и не поверила, – отозвалась Ирма. – Сегодня идем проветриться?

– Завтра минералогия и астрономия. И мы планировали сегодня сходить на открытую лекцию по фулирской рунистике, уверена, профессору Чаруде будет приятно нас увидеть.

Ирма долго взвешивала. Сердце звало к любимому, а голова жаждала знаний.

– Пойдем на лекцию, – наконец решила она с глубоким вздохом. – Рунистика важный предмет. Я смогу больше помогать Лео, если буду лучше знать руны. Он так хвалил мою последнюю работу!

Я скрипнула зубами. Вообще-то, грамотный рунический став денег стоит! Хоть десять далеров, да добавились бы в копилку. Но Ирма готова была наизнанку вывернуться для Лео. Совершенно забыла, что в первый миг совершено справедливо посчитала его сволочью.

– Умница! Дженни тоже обещала придти, – сказала я в ответ.

С Дженни мы познакомились почти сразу, как поступили. Совершенно неодаренная девушка бегала на открытые лекции с упорством маньяка. Работала она на почте за гроши, снимала комнату и о себе говорила мало. Только раз промелькнуло, что она замужем, но с мужем жить не хочет.

Если муж такой, как у Руперты или Моник, то я ее понимала очень хорошо. Я бы тоже не захотела иметь старого и некрасивого мужа с детьми от первого брака.

У Дженни был безупречный вкус, и кроить она умела, так что вынужденные походы к торговцу подержанными вещами из неприятной необходимости стали возможностью прилично и очень недорого одеться. Она могла из детской рубашки, старой юбки и дырявой шали сделать подлинный шедевр портновского искусства. У меня же вообще почти ничего не было, даже платья запасного, так и ходила в одной юбке и кофте с баской, хорошо хоть, что под мантией не особо видно, что там. Это аристократы были недовольны носить «дерюгу», а я радовалась.

И теплее, между прочим: ткань мантии крепкая и довольно плотная. Я ее и в городе не снимала. Ужасно гордилась тем, что студентка.

У бытовиков мантии коричневые, у стихийников по цвету стихии, а темномагического и ментального факультетов в столичной академии не было, они в Аминуэйсе обучались. Так что в столовой самыми яркими были огневики. Они и вели себя, как идиоты, громче всех орали, задирали всех вокруг, но администрация смотрела сквозь пальцы.

Стихия накладывает отпечаток на характер, к концу обучения они поспокойнее будут, а первокурсники бушуют, такие же вспыльчивые и подвижные, как пламя. Любимой их забавой было метнуть исподтишка огненный шарик и подпалить чужую мантии.

Нам и так выдали далеко не новые, порядком выцветшие и застиранные. Они даже были не коричневые, а скорее, серо-горчичного цвета. Ирма ругалась целый вечер, когда обнаружила россыпь мелких дырочек на подоле.

Я немного подумала и выбежала ненадолго в галантерейную лавочку неподалеку от ворот академии. Купила серого бисера и коричневых ниток. Каждую дырочку мы обшили нитками, изобразив подобие лепестков, а в сам дефект ткани вставили бисеринку. Получилось так роскошно, что даже аристократки из соседних групп присматривались к мантии Ирмы, тщательно гася зависть. Им-то мантии на заказ шили, в дорогом ателье, из гладкой блестящей ткани, но даже новехонькая мантия не шла ни в какое сравнение с изысканной ручной работой.

Одна из родовитых девиц даже нажаловалась куратору, что мы нарушаем форму. В академии был разрешен только один фасон мантии, и для стройной девушки он был крайне неудачным, совершенно не приталенным и безыскусным. Кокетка сзади и спереди с защипами, прямые рукава и чуть расклешенные полы с карманами. Негде разгуляться. Но мы фасон и не трогали, хотя некоторые девицы ушивали мантии и даже укорачивали, чтоб сверкнуть стройными лодыжками и изящными туфельками на каблуке.

Профессор кройки и шитья донна Иветта очень одобрительно кивнула и добавила нам баллов за придумку. Сказала, что незаметно заштопать дырку каждый бытовик может, а сделать из катастрофы изюминку – далеко не каждый. А на занятии объяснила, как вправлять магией нитку в иглу и задавать простенький повторяющийся ритм. У меня магией похуже выходило, чем руками и намного дольше, но я старалась.

Вышивала я лучше Ирмы, знала больше техник, сказались годы сидения в рукодельной.

А поскольку огневики продолжали баловаться и портить чужие мантии, то очень скоро к нам обратилась девочка с факультета Воздуха с просьбой ликвидировать безобразие. Просьбу подкрепили два далера. Мы с Ирмой радостно потерли руки. Деньги нам были очень нужны! Белые бисеринки и крохотные снежинки украсили белую мантию воздушницы. Она радостно захлопала в ладоши, когда увидела результат.

За воздушницей потянулись и другие. Впору было благодарить необузданный темперамент дурных шутников, позволяющих нам неплохо прирабатывать к стипендии. У нас даже чай с печеньками в комнате появился и спортивные туфли для занятий. Не новые, но хоть не единственные башмаки бить. И мастер Юфер ругался, что в неподходящей обуви бегаем.

Но на лекцию мы все равно попали, более того, Лео и Филу пришлось тащиться с нами. Если они рассчитывали провести приятный вечер в трактире с элем и жареными ребрышками, то сами виноваты, нечего было нам навязываться в компанию. Мы бы отлично обошлись без

них. Мы сели с Ирмой и Дженни в середине длинной скамейки в лекционном зале, а парни по бокам, как два стражника.

Дженни посматривала немного удивленно на этих раззолоченных павлинов, а потом перестала обращать на них внимание. Образование, кстати, у Дженни было намного лучше, чем у нас. Она свободно шпарила по-чапильски, по-фулирски и даже по-катабски, но она только небрежно отмахнулась, и сказала, что училась в монастырском пансионе десять лет, было время выучить языки. Мы только переглянулись с Ирмой за ее спиной.

После лекции мы расцеловались, пообещали встретиться попозже, поболтать без лишних ушей, и ушли на территорию академии через внутреннюю галерею, а Дженни вышла на улицу вместе с прочей публикой.

– Еще одна нищенка, – поморщился Леонард.

– Позовем Реми, – тут же предложил Фил. – Девка без кавалера будет злиться, завидовать и всем досаждать. День рождения кронпринца Ламберта важное событие. Столица ждет приезда катабской принцессы Эллибет, пойдем гулять все вместе, как друзья. На площадях будет выставлено угощение, жареные куры… они непременно пойдут! Выходной же будет, а то и два. Профессора тоже хотят отдохнуть.

– Выходные они проводят в библиотеке, – нахмурился Леонард. – Меня уже достала эта заучка! Каждый поцелуй с боем приходится срывать… будто мне это нужно! Но я уже привык получать отличные оценки за доклады. Дедушка дошел до министра образования, но тот руками развел. У академии полное право выбирать, куда направлять абитуриентов, а переводы не практикуются. Могу только отчислиться или перевестись в Аминуэйс. Эта дура мне нужна для оценок!

– Думаешь, меня не достала ее нудная подружка? – возмутился Филипп. – Тебе хоть всю домашку делают, а я за что страдаю? Ты мне должен за эту уродину!

– Нет некрасивых баб, есть ленивые и бедные, – наставительно сказал Леонард. – Дай ей денег! Пусть хоть в парикмахерскую сходит, если знает, что это такое!

Филипп презрительно зафыркал. Семья не так уж много ему давала, чтоб делиться с унылой занудой.

– Так давай сходим к неленивым! К донне Анжеле? За тридцать далеров тебя с ног до головы оближут!

– Да ты с ума сошел, платить шлюхам за то, что ты им окажешь честь! Я тут познакомился с одной целительницей с третьего курса… – Леонард поиграл бровями. – Горячая штучка, и ничего платить не надо, сама на шею вешается! Замутим втроем?

***

Центральная улица Кроненмель была запружена народом.

Лео пыжился от ощущения собственной важности. Его дядя, помощник бургомистра, дал записку к трактирщику, который держал здесь заведение, и нас пустили на террасу. Она выходила на Кроненмель, и при желании можно было дотянуться рукой до пик стражников, оцепивших улицу.

Лео важно сказал, что ему было приготовлено место на балконе ратуши, но он ради нас тут стоит, потому что нас, жалких и ничтожных, никто бы в ратушу не пропустил. Ирма без конца благодарила и смотрела на Лео восхищенными глазами.

Мне до зубовного скрежета не нравилось, что Лео вбивал в голову Ирмы сомнения в ее уме, красоте, фигуре, постоянно повторял, что она никому не нужна, кроме него. Ха! Да к ней уже второкурсники обращались с просьбами начертить или порешать задачки по геометрии потоков или магической планиметрии. И она справлялась!

Ирма очень способная. А если бы спала ночами, а не выполняла работы для возлюбленного, то и выглядела бы намного лучше. Для него она старалась куда больше, чем для себя. Но

объяснять что-то было бесполезно, она ничего не стала бы слушать. Оставалось только следить, чтоб совсем уж себя не загнала ради прекрасного Леонарда, и спала хотя бы пять-шесть часов.

Хорошо, что Фил не обращался за помощью, я послала бы его далеко и надолго. Мне бы самой программу вывезти.

Катабская принцесса гарцевала на белом жеребце. Лео и Фил тут же стали разбирать стати коня, выставляя себя знатоками и ценителями. Меня конь не интересовал, я просто умерла от зависти при виде ее длинных блестящих сережек, усыпанных изумрудами. Удивительно яркая, эффектная девушка. Черные распущенные волосы шелковым плащом укрывали спину, сверкали кошачьи зеленые глаза, розовые губы улыбались. Но Дженни почему-то морщилась и говорила, что от нее плохо пахнет.

– Какая красивая, – вздохнула Ирма. Лео по-хозяйски обвил ее талию рукой.

Плюх! Резкий шлепок заставил меня обернуться. А, Дженни объясняет Реми, что не следует под шумок распускать руки. Обсудить уроки, лекции, магические техники – это всегда пожалуйста, это она с удовольствием, а хватать ее за талию и ниже не следует. Реми обиженно ворчал и гладил покрасневшую щеку.

А ведь я ему шепнула, чтоб не приставал! Ничего ему не отломится, девушка замужем. Между прочим, за магом. И если он не хочет превратиться в омлет, то пусть руки при себе держит. Его вообще для ровного количества пригласили, чтоб нам было с кем потанцевать. Иначе бы наши знаменитые и родовитые его бы не позвали.

Под радостные крики кортеж проследовал дальше, к мосту через реку, к резиденции королей Жемчужная Тишина, Амайтийин Аранманай.

Мы сразу начали спорить, куда идти дальше. Парни хотели на Королевскую площадь, но у нас было другое предложение. Зачем тащиться туда, где уже полгорода собралось? Когда в двух кварталах тоже имеется площадь, поменьше и поуютнее?

Тюльпанная, названая так из-за фонтана в виде букета тюльпанов. Хоть ему и было четыреста с лишним лет, вода в нем была свежая и весело звенела, струясь вокруг бронзовых цветочных головок. Там тоже будет пиво и вино, жареное мясо, пироги и лепешки, музыка и танцы.

А главное, до академии десять минут быстрым шагом, а не вся столица. Что-то мне подсказывало, что цены на услуги извозчиков сегодня вырастут раза в три. Если не в пять.

Мы были такие голодные, что в шесть рук разорвали жареного цыпленка за три секунды, обрызгавшись жиром. Ирма щелчком быстро отчистила наши наряды, а мне пока это заклинание не давалось. Впрочем, оно и Реми не давалось. Права магистр Дабаро, сила – это еще не всё.

Нежное мясо с дымком, с ломтиком лимона и веточкой розмарина взыграло на языке букетом вкуса.

На лице Дженни отразилось наслаждение, и я подумала, что она на самом деле очень красивая, просто сильно уставшая и недокормленная. И –нелюбимая. Это всегда очень заметно.

Любимые выглядят совсем не так. Лео только притворяется влюбленным в Ирму из-за ее помощи с учебой, это видно всем, кроме нее. А муж Дженни просто идиот, если не видит, какая она замечательная. Будь я мужчиной, сама бы на ней женилась. Она открытая, искренняя, верная. У нее такая сила воли, упорство, трудолюбие, она точно не останется на своей почте!

На помосте музыканты наконец настроили свои инструменты, и сухой старичок с лихими закрученными усами, с дирижерской палочкой в руке, крикнул:

– Асорская гальярда!

Ирма жадными глазами смотрела на столы, заставленные снедью, но Лео уже потянул ее в круг. Нет, в столовой кормили просто, но сытно, только студенты ведь всегда голодны. Да над столовой написано каким-то остряком «Aeterna iuventutis fames». Вечный голод молодости.

Мы с Дженни переглянулись и поспешили ополоснуть руки в фонтане. Дженни нехотя подала руку Реми. Бодрая мелодия заполнила площадь и отразилась от стен домов.

Мы подскакивали, скакали, вертелись и смеялись. Да что там, вся площадь прыгала и хохотала. Гальярда сменилась церемонной и неторопливой паваной, чтоб мы перевели дух. Юбки взметнулись вверх, обнажая ножки в чулочках и башмачки дам в неприличной пламенной вольте. Отвизжав свое, подхваченная сильными руками Фила, я совершенно задохнулась.

Филипп танцевал очень хорошо. Просто великолепно! Не давал мне сбиться, шептал, куда шагнуть, и уверенно направлял, куда следовало, по рисунку танца. Сначала я жутко стеснялась, а потом вошла во вкус. И даже подумала, если он так хорош в танце, то, наверное, не хуже окажется в постели? Не лучше ли лишиться девственности с опытным и знающим партнером, чем ждать у моря погоды? Мы ведь с Ирмой больше не в деревне, мы магички, и нам многое дозволено, что не дозволено не одаренным!

Маги восполняют резерв через сон, еду и постель. Особенно, если партнер высокого уровня. Говорят, что это что-то невообразимо восхитительное. Парочка наших соучениц уже вкусила взрослых удовольствий и теперь смотрела на нас с видом превосходства и легкого презрения, как обладающие тайным знанием.

У Фила резерв выше моего в десять раз, не меньше, я же видела, с какой легкостью он выполняет задания. Когда выполняет, а не ловит ворон, по своему обыкновению. И он неоднократно намекал, что готов мне помочь во всем, чего бы я не попросила. Говорят, хороший партнер дает толчок к развитию резерва. Нет, если судить по внешности, Фил приятный парень. Не такой хвастун и фанфарон, как Лео.

Правда, у Реми дар еще выше, как бы не вдвое, но он грубый и невоспитанный. То, что сегодня он кавалер Дженни, ничего не значит. Он-то ей совершенно не нужен, это видно.

Я зашарила глазами по площади.

Сбоку хихикала Ирма с Лео, Реми стоял у стола и расправлялся с мясным рулетом.

– Где Дженни? – я вырвалась из рук Фила и подбежала к Реми.

Реми чуть не подавился и посмотрел на меня круглыми глазами.

– Ты что, ее мамочка?

– Где ты оставил нашу подругу?

– Она сказала, что пойдет глотнет сидра, – фыркнул Реми, отворачиваясь.

У бочек Дженни не оказалось, и я встревоженно завертела головой во все стороны. Дженни появилась через миг, необыкновенно хмурая.

– Что случилось? У тебя такое лицо…

– Пустяки, привязался какой-то неприятный слизень, – она махнула рукой и тут же вступила в хоровод, нырнув под руками танцующих.

– Тебе нельзя доверять! – гневно заявила я Реми.

– А что я!? – возмутился он. – Мне что, ее пасти надо, как козу? Уже и поесть нельзя?

Скажу Филу, чтоб больше Реми с нами не брал. Он ненадежный парень. Я же вижу, что Дженни какая-то напряженная. Она не веселится, она… боится? И просто ждет, когда мы напляшемся, чтоб пойти домой. Все настроение сразу пропало.

– Не могу больше! – тяжело дышащая Ирма повисла на Дженни.

Та предложила закругляться. Уже совершенно стемнело. Я тут же согласилась. И настояла, чтобы сначала мы сделали небольшой крюк, проводили Дженни на Почтовую, а потом уже все вместе шли в академию.

Реми стал ворчать, что отлично справится один, нет нужды идти всей толпой. Если он и хотел прижать Дженни в темной уголке и сорвать поцелуй, то ему пришлось смириться с общим мнением. Мы потребовали не разделяться. Лучше прослыть трусихами, чем столкнуться с грабителями на ночной улице. А на группу студентов, да еще и магов, не нападут. И взять нечего, и пострадать можно.

Мы простились с Дженни у калитки ее дома и направились в академию.

– Что с тобой? – Спросила Ирма. – Ты сама не своя. Устала?

– Не знаю. – Я передернула плечами. – Почему-то за Дженни переживаю.

Ирма взяла меня под руку, и мы пошли вперед. Парни отстали, Реми проворчал, что бабы всегда себе надумывают всякие страхи и лезть в это бессмысленно, такое только совокуплением выбивается, и то на время. Лео и Фил его поддержали глумливыми смешками. Они шли за нами, шептались и время от времени разражались хохотом.

На лице Ирмы отразилось страдание.

– Ты с Лео не? – осторожно спросила я.

– Нет, – она сдвинула брови. – Разве так можно? По-скотски…

– Он не женится. Девчонки ради резерва соглашаются, – заметила я.

– Тогда надо присматривать кого-то рангом повыше, – очень сухо ответила Ирма. – Лео по силам такой же, как я. Даже чуть меньше.

Я выдохнула с облегчением. Ради резерва Ирма не согласится на близость. Если ее Лео потом бы бросил, она просто легла бы и умерла. Она буквально им дышала. Но не сдавалась. У них в деревне очень, очень строгие правила были, замуж можно идти только девушкой, иначе боги отвернутся. Она верила, что Лео на ней женится, и она обязана себя сберечь для него. Чтобы все было правильно.

Мне даже стало стыдно за мои прежние мысли насчет Филиппа. Он же мне даже не нравится. Лео его позвал, чтоб отвлекать меня от Ирмы, расколоть нас. Так что хорошо, что он мне не нравится, я бы могла увлечься и совершить глупость, о которой буду жалеть.

Но Ирма почему-то считала, что у нас с Филом настоящие чувства. Наверное, Лео наплел, она ему, как оракулу, верит. Не стала ее разубеждать. Нуаре бароны, будь я даже из богатой семьи, они подыскивали бы себе невесту побогаче, не говоря уже о даре. И знатную. Не графиню, конечно, но вторую-третью графскую дочку – запросто.

А близость… всегда успею. Если уж совсем не будет получаться и мне будет грозить отчисление, не раньше. Не хочу покупать дорогущее противозачаточное зелье или не менее дорогой амулет от нежелательной беременности. Это парням ничего, их даже не осуждают за блуд, все пинки достаются девушкам. Фил точно не стал бы обо мне заботиться.

Перспектива остаться с младенцем на руках и сдохнуть в канаве от голода и холода была такой яркой и ужасной, что я зажмурилась. А потом разозлилась. У Лео, значит, дар еще меньше, чем у Ирмы, а он строит из себя короля академии? Хвастается оценками, заработанными Ирмой?

Ну нет, так больше продолжаться не может. Что бы придумать такого, чтоб Ирма больше стала думать о себе?

Мы благополучно дошли до академии, парни довели нас до женского общежития и скрылись в темноте.

Я напряженно размышляла, пока мы готовились ко сну.

– Тебя что-то тревожит? – спросила Ирма.

– Ноги болят. А завтра мастер Юфер с нас шкуру спустит, он же обещал промежуточный зачет.

Ирма застонала и уткнулась лицом в подушку.

– Мне еще надо написать эссе по истории магии и сделать работу по каллиграфии, – простонала она.

– Ты же их сделала!

– Это для Лео, – Ирма улыбнулась.

Во мне вспыхнул гнев. Сколько он будет сидеть у нее на шее?

– Мне кажется, что ты должна больше уделять времени своей учебе, – сказала я и забралась в постель. – Если ты будешь отличницей, Лео будет больше тебя уважать и гордиться такой девушкой. Может быть, он тогда даже познакомит тебя с родителями!

– Хм-м, – задумчиво отозвалась Ирма со своей кровати.

Я говорила чистую правду, из-за постоянного недосыпания Ирма клевала носом на уроках и частенько не могла сосредоточиться, получая оценки ниже, чем могла. Мы обе сползли в отстающие. Я из-за слабости, она из-за усталости. После первого месяца преподаватели начали нас нагружать всерьез.

Впрочем, для высокоодаренных наши занятия трудности не представляли. Реми вообще заполнял шесть малых накопителей и даже не чувствовал истощения. Я же возилась с одним от звонка до звонка, заполняя его в несколько приемов, и потом была полумертвая. В ушах тонко и противно звенело, под ребрами резало, будто ножом. Я стискивала зубы. С моим крошечным резервом это будет привычным состоянием на все последующие годы, ведь дальше будет только труднее.

Я даже завела себе привычку держать в кармане пару конфет, чтоб съесть их украдкой после занятия, когда особенно шатало и руки тряслись.

– Что за интерес встречаться с троечницей, – пробормотала я в надежде, что Ирма запомнит мои слова. Ни красотой, ни богатством, ни знатностью мы не могли соперничать с соученицами, мы могли выделиться только знаниями и упорством. Образцовой учебой. «Я встречаюсь с красоткой» ничуть не лучше «Я встречаюсь с первой ученицей курса». Красоток много, умниц мало.

Ирма весь следующий день была задумчивой и отвечала односложно. Хорошо, что был выходной, мы могли подтянуть наши уроки. В честь дня рождения наследного принца Ламберта нам дали целых два дня отдыха.

В обед нас неожиданно вызвали в деканат. Я задрожала.

Призрак отчисления висел надо мной. Достаточно было трех замечаний, чтоб меня отчислили. Одно я уже заработала, опоздав к закрытию общежития из библиотеки. Но учебники по геометрии тонких потоков были в дефиците, их издавали еще при Эндикотте Справедливом, и на группу из десяти человек досталось всего два. Лео хвастался, что у него есть экземпляр в семейной библиотеке, и он Ирме даст. Но принести книгу в академию ему не позволили, книг по магии мало, они очень дорогие, нечего семейное достояние разбазаривать. Чтоб хоть что-то выучить, мне приходилось подолгу сидеть в читальном зале, ведь у меня не было привычки много читать или учить наизусть.

Стройные ряды формул и графиков у меня вызывали безудержную сонливость. Дженни сказала, что это дело привычки, многие люди, не сумев преодолеть себя, книг в руки не берут после школьной скамьи. Это был не мой вариант, приходилось напрягать всю силу воли, чтоб сохранять концентрацию. Надо себя заставлять, потом станет намного легче и даже приятнее.

Дженни вот не могла жить без чтения, она даже наши конспекты изучала с огромным интересом, благо, у Ирмы был очень разборчивый почерк.

Злобная комендантша стояла на крыльце с часами в руке и ехидно улыбалась, глядя на стайку несчастных, понурившихся девчонок.

– Всего пять минут! – возмутилась рослая и шумная Люси Фарней с целительского. – Даже в театре дают возможность пройти в зал!

– Здесь вам не театр, донья Фарней! – комендантша просто наслаждалась своей крохотной властью и нашим унижением. Ей никто не мешал всласть расписывать наше будущее, крайне незавидное, по ее мнению. Опоздание- несобранность-неуспеваемость-отчисление-проституция и смерть под мостом. Если это еще могло коснуться меня, то девочки из благополучных семей уж точно бы не остались на улице. Перевелись бы в другие академии или вышли замуж.

Я думаю, что больше всего комендантшу бесил дар, намного сильнее ее собственного. В результате она нас пропустила, но переписала все фамилии и сообщила в деканат. Еще два замечания и комиссия по отчислению. А ведь экселенц Веласко за меня поручился перед педсоветом! Как ему в глаза смотреть после этого?

***

Мы стали припоминать все наши возможные прегрешения. Но мы не нарушили ни одного академического правила и недоуменно переглядывались. В приемную деканата неожиданно ввалились Лео, Фил и Реми. Злые, лохматые и с сильным перегаром.

– Какого демона нам не дают отдохнуть в законный праздник? – возмутился Реми.

– Распивать спиртное в общежитии запрещено! – тут же сказала я.

– А мы и не в общежитии! Мы в таверне были, – огрызнулся Фил.

Из кабинета вышел магистр. К счастью, не наш декан дон Веласко. Дежурный магистр огня, который требовал меня не принимать, магистр Нир Буренго. Я его старалась обходить по широкой дуге, когда встречала в коридорах.

– Все собрались? – он оглядел нас и приказал заходить по одному в кабинет.

Первым прошел Реми и вышел минут через десять с выражением полнейшего удивления.

– Да кому она нужна? – спросил он вслух.

– Не разговаривать! – вдруг раздался приказ из угла, где, к нашему изумлению, сидел стражник.

Магистр с отвращением на него посмотрел и сказал, что вести следствие на территории академии может только внутренняя служба, но они пошли навстречу городской службе правопорядка, что не дает той оснований здесь командовать.

Стражник ничего не ответил, лишь жестом указал Реми на дверь.

Мы изнывали от любопытства и недоуменно переглядывались. Затем в кабинет зашел Лео, за ним Фил. Следующей пригласили меня.

За столом декана сидел молодой мужчина в мундире городской стражи.

– Вы знаете некую Эухению Нейл?

– Она не «некая»! Она наша подруга! – возмутилась я, вдруг прежняя тревога всколыхнулась в груди. – С ней что-то случилось?

– Вопросы задаю я.

– А кто вы такой?

– Дознаватель дон Грейно, – сухо представился стражник и начал задавать вопросы. Как давно мы знаем Дженни, как познакомились, чем она занимается, где живет и как давно приехала в столицу.

Меня затрясло.

– С ней все в порядке? Скажите! – выкрикнула я, сжав кулаки.

– Она жива, – так же сухо сообщил дознаватель, а потом впился, как клещ.

Я рассказала все. Что там рассказывать? Дружить не запрещено. Ходили смотреть на катабскую принцессу, танцевали на Тюльпанной площади, Дженни сказала, что приставал неприятный мужчина. После танцев проводили ее до калитки и пошли в академию.

– А какой у нее дар?

Я рассмеялась. Дженни рассказывала, что одна дура с почты написала на нее жалобу, что она нелегальный маг. Мы тогда долго смеялись. Дженни мечтала о даре! Но, как это часто случается с мечтателями, мечтала о несбыточном. Она не имела ни искры. Зато она была очень внимательная и усидчивая, и как-то на удивление ловко раскладывала заклинания на блоки и потоки, их потом было легче и понятнее заучивать. Как она могла это делать, не ощущая течения потоков, для меня было загадкой.

– Никакого! Она просто очень чувствительная! И внимательная к людям.

– Но откуда-то она знает содержимое писем, которые сортирует?

Я открыла рот от удивления. Вранье! Никогда такого не было! У Дженни совсем нет дара, но она очень любит магию, интересуется, чему и как нас учат, но это нормальные дружеские отношения.

– Так что случилось?

– На нее напали и пытались похитить. Совершенно случайно патруль натолкнулся на похитителей. Девушка была под оглушающим заклинанием. У нее есть враги?

Я замотала головой. Какие враги?! Все любили Дженни!

Она работала в десятом почтовом отделении, очень быстро выучила всех местных жителей, а они ценили ее, потому что она очень приветливая и всегда ласково относится к посетителям. А старикам может отнести письмо или посылку, хоть это и не входит в ее обязанности. Разве что противная жаба с почты? Но одно дело писать кляузы, и совсем другое – бить боевым заклинанием. Это даже не камнем по затылку! Это наемник-маг, они стоят дорого. У сотрудников почты нет таких денег.

– Что за мужчина к ней приставал? Можете его описать?

– Не знаю, я не видела. Она сказала «слизень», и все. Дженни оказали помощь? Ее можно навестить? Это же ужасное происшествие!

Дознаватель сказал, что вся необходимая помощь ей была оказана, а навещать ее нельзя, пока они работают, разыскивая преступников. И вообще, нам запрещено покидать академию до конца праздников.

Я подписала протокол допроса и вышла совершенно озадаченная.

Кому могла понадобиться Дженни? Ведь похищают ради выкупа или из-за красоты. Выкупать Дженни некому, а внешность у нас всех так себе. Средняя. Обычные девушки, ничего особенного, люди вслед не оборачиваются. Говорят, катабцы крадут одаренных девушек, пытаются развести магов у себя, но Дженни и тут им не пригодится. Пустышки и слабосилки никому не нужны.

Вот Клементину Тизоле или Глорию Бундиаль, там да, стоит похищать, дар сильный и семьи старые, богатые. Да и девушки ухоженные, эффектные, они на нас вовсе никакого внимания не обращали. Мы не могли разговоры поддержать ни про уход за волосами или ногтями, ни про косметику или балы с приемами. Совсем другой круг, другие интересы.

Я шепнула Ирме: «Поговорим позже», и пошла в нашу комнату. Ломать голову.

Ирма вернулась через полчаса, и мы строили разные предположения до самого вечера. В конце концов, главное, что Дженни жива и скоро будет здорова, тогда уже будем размышлять все вместе.

– «Молот», с ума сойти, – фыркнула Ирма, перелистав учебник по магии Воздуха. Она сбегала за ним в комнату старшекурсниц и попросила учебник ненадолго. – Седьмой уровень вызывает оглушение, восьмой уровень дезориентацию, девятый – потерю сознания, десятый – кома, одиннадцатый – смерть.

Я испуганно охнула. А я и не спросила, чем приложили Дженни. Не сообразила. Конечно, с Дженни сняли остаточный след, дознаватель это знал. Какая же Ирма дотошная! Нет, она точно станет магистром и профессором!

– Хорошее питание, сон, постельный режим, – прочитала Ирма. – Наблюдение целителя не ниже четвертого ранга при ударах свыше шестого уровня. Капельное вливание целительской магии каждые шесть часов. Применение только в присутствии преподавателя с боевой квалификацией на оборудованном полигоне.

– Так получается, на нее действительно напал боевой маг? – изумилась я.

– Или наемник с боевым артефактом. Очень плохо, – Ирма почесала нос. – Это не случайность, за нашей Дженни кто-то всерьез охотится.

Я затрясла головой. Не может быть! Зачем?! Кому это нужно? Дженни бедная, она говорила про свое заброшенное поместье, где-то у ящера под хвостом, но не из-за него же на нее напали? Боевые амулеты незаконны и ужасно дорого стоят, обычному воришке не по карману.

– Кому Дженни могла помешать?

– Только семейству Холли, – сразу ответила я.

Марк Холли, аспирант-воздушник и стажер главного почтамта, начал оказывать Дженни знаки внимания, но затем появилась его мамочка и разъяснила Дженни, что сына полковника-почтмейстера и начальника почтовой службы ей не видать, как своих ушей. Дженни и не собиралась его охмурять, она вообще замужем, так что гневные тирады разгневанной почтмейстерши на нее не произвели никакого впечатления.

– Вряд ли такие уважаемые люди опустились бы до откровенного преступления.

Больше мы ничего не могли придумать, и дружно сели за уроки.

Ирма быстро выписывала руны начисто, слегка хмурясь.

Я такими навыками не могла похвастаться, поэтому достала детскую пропись для первоклассников немагических школ. Не скажу, что мой почерк стал образцовым, но определенные подвижки были, я теперь хотя бы могла прочитать, что сама написала.

Дженни посоветовала писать цветными ручками, сразу выделяя заголовки и определения, и оставлять поля для заметок. Порядка в тетрадях сразу стало больше и нужное искать стало проще. Еще Дженни советовала после лекции вечером перечитать ее, а утром прочитать еще раз. Займет это ровно пять минут, а запомнится намного лучше. Ее так приучили в пансионе, учить равномерно и планомерно, а не в последние дни перед экзаменом. Мы так и делали.

Два дня миновали, и соскучившиеся преподаватели накинулись на нас так, будто сессия должна была начаться завтра. У нас не было времени даже сбегать к Дженни!

Мы твердо решили навестить ее в воскресенье.

– А что я знаю! – Реми подсел к нам на астрономии. Вернее, подлег, потому что в кабинете астрономии парт не было, только коврики, на которых полагалось лежать и смотреть в потолок, на который преподаватель проецировал созвездия и планеты.

– Заткнись, – шикнула Ирма, не собираясь терять ни минуты из объяснений.

– Дом у вашей Дженни сгорел!

– Как!? – спросили мы хором.

Преподаватель тут же недовольно покосился на нас, постучал указкой по столу и продолжил поставленным голосом:

– Вега, альфа Лиры – это одиночная звезда, а не часть кратной системы. Она является самой яркой в созвездии Лиры и пятой по яркости на всём ночном небе. Считается неподвижной звездой. Её энергия традиционно связывается с вдохновением, артистизмом, амбициями и стремлением к совершенству.

– А вот так! Пошел я с букетиком девушку навестить, а на месте дома пожарище, – зашептал Реми. – Ровное место, ни балочки, ни палочки, и все черным пеплом засыпано. Магический огонь. Темномагический ритуал!

Если бы мы не лежали, то ноги бы точно подкосились. Мы переглянулись и крепко сцепились с Ирмой руками. Мы отвратительные подруги, раз не нашли времени такое узнать! Вдруг ей помощь нужна?

Непременно после уроков надо будет сбегать к Дженни на работу. Не дожидаясь воскресенья. Хоть на пять минут! Убедиться, что с ней все в порядке. А если народу на почте не будет, то и поболтать можно немножко. Дженни не обидится, она и так знает, что у нас уроков очень много.

После астрономии мы первыми помчались скручивать коврики.

– Что ты мне дашь, если я кое-что про Дженни скажу? – сбоку оказался Филипп.

– Я знаю про пожар!

– Какой еще пожар? – удивился Нуаре, плюхая свой коврик поверх моего. – С работы ее поперли! По циркуляру почтовым работникам надо пять искр магии, а она пустышка. Хозяйка ее выгнала, потому что порядочных девушек никто не похищает! Говорят, ее в бордель продали и повалять успели! А потом стража ее спасла!

– Что ты несешь, дурак! Какой еще бордель, если мы ее вечером проводили, а в полдень нас уже допрашивали?!

– Дурное дело нехитрое, – пожал плечами Филипп. – С вечера до утра времени хватило бы. Когда ее отбили, нам не сказали. Я надеялся, ты меня поблагодаришь за новости, – он хитро прищурился. – Поцелуйчик? Только чур, по-взрослому!

– Я тебе за такие сплетни мантию подожгу! – в сердцах пообещала я.

– Не сумеешь, слабачка! – Фил взорвал магическую петарду перед моим носом и убежал, хохоча во все горло.

– Я сдам сессию лучше тебя! – крикнула ему вслед, топнув ногой.

– Забьемся, Фада? – подошел Лео с толпой прихлебателей. Им было весело, и они ржали надо мной.

– На что? – достала платок и начала вытирать лицо от сажи.

– Если ты сдашь сессию лучше Фила, что в принципе невозможно, то…

– Пусть женится на ней! – заржали сзади.

– Сбрендили?! – возмутился Леонард. – Думайте своей репой! Кто она, и кто он?

– Залезешь на стол и трижды прооpешь, что Фада лучшая студентка на курсе!

– Годится, – обрадовался Лео. – А если Фил лучше сдаст…

– Пусть заберет документы! Мусору тут не место!

– Да ни за что! – заорала я. Терять единственный шанс? – Не равноценно!

– Пусть встанет на колени и признает, что она дура!

– Мне унижение, а ему просто влезть на парту?! Не пойдет! Пусть тогда он тоже встает на колени!

Парни пошумели, но решили, что это справедливо. К тому времени нас окружила плотная толпа студентов.

Я и не подозревала, что здесь кипят такие страсти: аристократы ненавидели безродных, безродные подставляли аристократов при каждом удобном случае, а слабосилков ненавидели вообще все вокруг. Потому что они отжирали финансирование от тех, кто более достоин тут учиться.

Мы же жили, питались и учились бесплатно. Правда, обязывались отработать после этого пять лет, куда пошлют, но аристократов это не волновало ни минуты. Они не желали, чтоб профессора уделяли каким-то никчемным отбросам силы, время и внимание.

– За Филиппа Нуаре забьюсь я! – объявил Леонард. – Слово Цунхве!

Все воодушевленно заорали.

– Я отвечаю за себя, – мой тихий голос почти не был слышен.

– Лео, нет! – Серые глаза Ирмы заняли пол-лица. Она трясла в углу Реми и теперь подоспела к финалу. – Лео, скажи, что ты пошутил!

– Мун Цунхве не бросают слов впустую, – высокомерно процедил Леонард.

– Тогда… я отвечаю за ее ставку! Слышали? Я, Ирма Тиман, отвечаю за ставку Солейн Фада!

Все загалдели, а мы с Ирмой обнялись.

– Ну и что? Нормально, Нуаре баронет, а они деревенщины. Пусть отвечают вдвоем, – решил Арчибальд Гитри, огневик с четвертого курса. – Какая разница, будет протирать колени одна или две дворняжки?

– Да хрен вам в грызло! – заорал вдруг Реми. – В академии все равны и ваши титулы не считаются! Два на два!

Ор поднялся до высоченных сводчатых потолков. Но середняков и простолюдинов оказалось больше, чем аристократов. Староста курса Флоран Грабо влез на парту и повторил условия пари:

Тиман и Фада против Цунхве и Нуаре! Пари на сдачу экзаменов! Сдавший сессию хуже становится на колени и громко трижды признает, что он дурак или дура, а противники – лучшие студенты на курсе.

****

У идиотского спора был один несомненный плюс.

Ирма, наконец, начала уделять своим занятиям львиную долю времени. Домашка для Лео и помощь его друзьям перестала быть приоритетным делом. Ирма попросту обиделась, что Лео спорил против нас.

Я понемногу, но ежечасно, капала ей на мозги, что нечестно помогать нашим противникам. С болью в сердце Ирма согласилась. Действительно, у нас же пари! Пусть каждый покажет, на что способен!

На пожарище мы сбегали. Все было так, как описал Реми. Ровный слой пепла. И на почте нам ничего не могли сказать. А может, не захотели. Дженни уволили, но с рекомендациями и премией, это сам почтмейстер сообщил, сухой лысый старикашка в мундире почтовой службы.

– Если с Дженни все в порядке, она сама нас найдет, – не слишком уверенно предположила Ирма. – Или придет на публичную лекцию.

Как она нас найдет, если на территорию никого постороннего не пропустят? Только по студенческому жетону или пропуску преподавателя. А лекции раз или два в месяц.

Мы волновались, а у Ирмы неожиданно оказалось много свободного времени. А если ей так уж надо кому-то помогать, так пусть помогает! За деньги. И отвлечется заодно.

Сначала Ирма возмущенно фыркала и пузырилась негодованием, а потом признала мою правоту. Мы просто пересчитали деньги, которые кидали в коробку за чужие работы. Ирма идеально чертила и считала, внося большую часть средств в наш общий бюджет на печенье и варенье. Я, не желая быть нахлебницей, искала литературу, делала выписки, подготавливала схемы и выписывала цифры. Графики раскрашивала. И рукодельничала.

Ирма пересчитала монетки трижды, потом посмотрела на меня выпученными глазами. Да-да, а ты думала, это все просто так, никому не нужно и ничего не стоит? Если не вымаливать благосклонность Лео, и если брать деньги за листы по каллиграфии и построение графиков, то выходит неплохо.

Мы за неделю подняли сумму на два теплых плаща! Сверху добротное сукно, снизу шерстяная подкладка. О мехах мы и не мечтали.

Пока вести о пари облетают академию, мы и на зимние теплые ботинки накопим. А, может, и на сапожки.

Я хотела белые, на овчине. Знаю, что не практично, маркие они, и вытираются быстро, но вот хотелось мне белые сапожки с мехом, на каблучке в три пальца, с изящным остро-округлым носком и длинным прямым голенищем.

Мать орала в приступе гнева, что у приличной порядочной женщины всегда имеются бриллиантовый гарнитур и белые сапожки. Папа не мог ей обеспечить ни того, ни другого, и оттого достоин презрения. Для меня эти вещи остались непременным признаком жизненного успеха. Как и бриллианты, но сапожки хоть носить можно, а камушки что? Пустой блеск.

Ирма, краснея, призналась, что для ее мамы признаком благополучия были кружевные многослойные подзоры для кровати, пирамида пуховых подушек и стеганое атласное вышитое покрывало. Без этого выйти замуж просто нельзя, свекровь запилит, что лентяйка и неумеха в снохи досталась.

Ирма тоже шила себе приданое, как без этого зимними вечерами? Где теперь все это добро? Сколько трудов впустую.

Зато теперь можно было пустить крючок по простому узору и только поддерживать тоненький поток управления. Отличная тренировка контроля и концентрации, особенно, если

ты в этот момент читаешь историю или заучиваешь теоремы. А на толстенький поток у меня сил никогда не хватит, надо учиться пользоваться тем, что есть.

Если у Реми кувалда в руках, то у меня отмычка. Но пари я просто обязана выиграть!

– Если у Дженни сгорел дом и ее выгнала хозяйка, куда она пошла? – Ирма прикусила губу. – С родными у нее не очень отношения.

Прошло две недели, а мы так ничего не узнали о подруге. Мы даже в храмовую больницу сходили, но Дженни там не обнаружили. Неизвестных пациенток двадцати лет со светлыми волосами им тоже не доставляли. Где искать еще, мы не знали. Вдруг она уехала в свой Уноа-Коэс, Яблочный край?

Посмотрели по карте, другой конец королевства. Или она к мужу подалась? Ситуация-то безвыходная. Я предложила поискать по тавернам, там всегда нужны подавальщицы и посудомойки, вдруг Дженни там скребет миски? Но таверн в столице-то сотни. Начать решили с Солнечной, там вся улица сплошь кафе, пекарни, бары и трактиры.

– Что сегодня после геометрии потоков?

– Введение в конструирование артефактов. Профессор Рамбальд Мун Ямбир, – Ирма провела пальцем по строке расписания. – Говорят, жуткий мозгоклюй и зануда.

– Наверное, хороший специалист? И не будет считать, что девушки магами не бывают?

Нам уже и такое уже встретилось, к сожалению. Неприятно было слышать от магистра по защитной магии о неполноценности женщин, как магов. Достижений у них нет, ничем они не прославились, гениев среди них нет, пусть сидят дома и детей рожают, это единственное, на что они пригодны.

Хоть бы посмотрел, что девушек в обучение принимать стали только в начале царствования нынешнего короля Роланда! Тогда отчаянная девица Янтра Наштроа́м остригла косы и поступила в академию с документами своего брата, пострадавшего на охоте. И три года считалась лучшим студентом, отставая только по физической подготовке. Тренер ее вычислил, но не выдал, потому что влюбился без памяти.

Всего двадцать лет назад это случилось!

Про нее книгу написали, и написали очень талантливо. Книга разлетелась по Кэллавейну и за рубежом, роман сразу на все языки перевели. Издатель только руки потирал от барышей. Оказалось, что автор тоже женщина, под мужским псевдонимом. О наболевшем писала, о выстраданном.

Король призвал обеих дам ко двору, дал долгую аудиенцию, а после нее разрешил одаренным девушкам учиться и занимать административные и хозяйственные, а также общественные должности.

Откуда гениям взяться? Если учиться не дозволяли, запечатывали высокоуровневых без разбора. Мужа ублажи, дом веди, детей роди и воспитывай, свекровь и другую родню обиходь, тут не до книг. Да и сейчас знатные семьи не так, чтоб очень охотно отпускали девушек на учебу. Скорее, чтоб поболтались по академии, где разгуливает огромное количество неженатых и одаренных молодых людей. Можно присмотреть жениха по сердцу.

Опять же, нравы среди магов свободные, пополнение резерва через постель очень популярно, дорвавшуюся до свободы девицу под каблук уже не загонишь. Ты на нее прикрикнешь, а она на тебя люстру обрушит. Или штаны подпалит. На правила хорошего тона и светские приличия магам плевать с горы Чирунду.

За сокрытие дара и укрывательство магов штрафы ввели. До двадцати искр еще на усмотрение главы семьи, а выше, извините, надо учить. Нечего ценный ресурс тратить. Королевству маги требуются.

Ирму вот отец тоже не хотел отправлять на учебу, она чуть ли не из-под венца сбежала. Ей мама помогла удрать.

Мы вошли в Главный лекционный зал.

Я его больше всех любила, он самый высокий, а скамьи амфитеатром спускаются, все отлично видно и слышно.

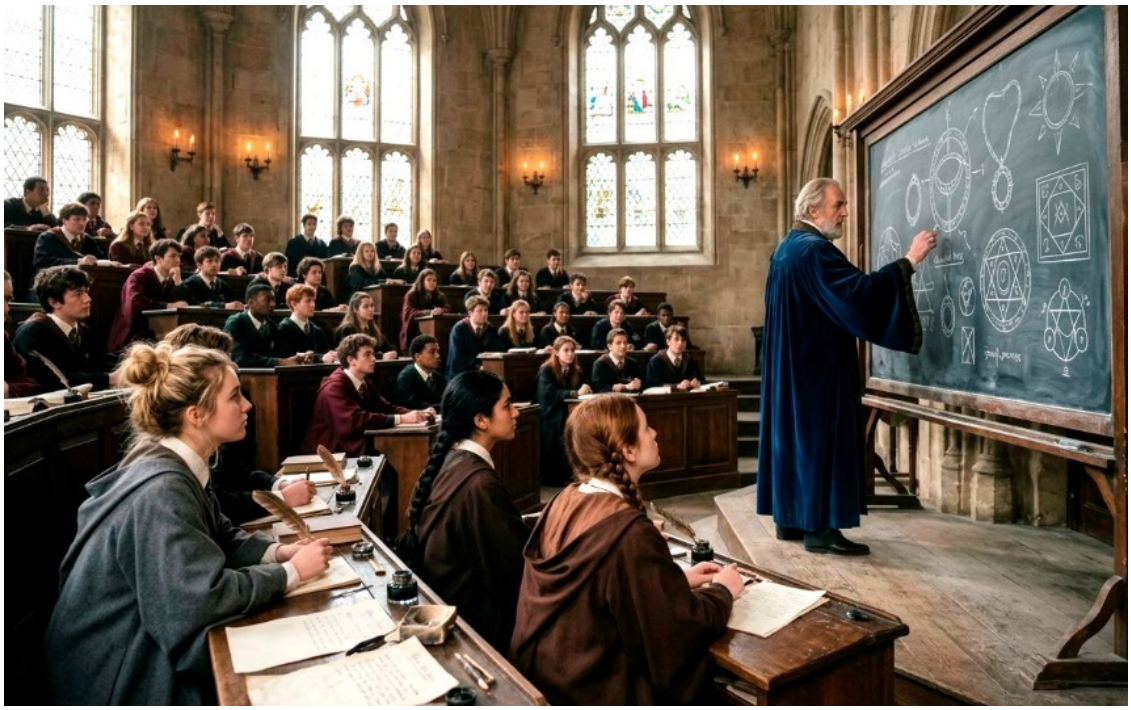
Ага, лекция общая для курса, вон целители в светло-зеленых мантиях, водники в синих, огневики в красных. Мало у нас воздушников, только две белые мантии мелькнули. Или они просто прогуливают, по своему обыкновению, самые легкомысленные и беззаботные из всех магов. Земельщики в горчичных мантиях не сильно от нас отличались, но у нас просто линялые тряпки, а у тех, кто на заказ шил, красивые оттенки каштана и шоколада. Ничего, подучимся, цвет восстановим.

Пестренько, радостно, посмотреть на зал приятно, особенно, когда солнечные лучи пробиваются сквозь стрельчатые витражные окна.

Служительница развешивала на доске таблицы. Развесила, выровняла, спустилась с кафедры и села скромно с края первого ряда с блокнотом.

Ирма вдруг толкнула меня в бок.

– Дженни!

Мы переглянулись и дружно поскакали к первому ряду. Я с радостным писком кинулась обниматься. Это действительно была наша Дженни, очень серьезная и деловитая, в серой накидке вспомогательного персонала академии.

– Я у профессора Ямбира ассистенткой сейчас работаю, – успела шепнуть Дженни.

На кафедру поднялся профессор.

Седой, осанистый мужчина в синей бархатной мантии с вышитым серебром воротником-стойкой и символом артефакторного факультета на груди. Циркуль, шестеренка и пружинка на синей ленте. Голос у него был густой, дикция отличной, он не читал с методички, не мямлил и не шептал, одно удовольствие слушать!

Лекция была первая, вводная, определение науки, цели и задачи изучения. Артефакторика неотделима от конструирования и материаловедения, науки, которая изучает связь между составом, строением (структурой) и свойствами материалов, а также закономерности их изменений при различных внешних воздействиях (тепловом, механическом, химическом и разу-

меется, магическом), о правильном сочетании элементов, сопряжении потоков, соединение в артефакте элементов различной природы.

Профессор ходил по помосту и вещал, указывая указкой или подсвечивая нужные картинки и определения.

– Суровый какой! – выдохнула Ирма, когда магистр объявил перерыв.

– Суровый, да, – согласилась Дженни. – Но справедливый и любит, чтоб четко выполнялись все его указания. Ой, девочки, как я рада вас видеть!

Мы снова с писком обнялись.

– Дженни, куда же ты пропала! Мы тебя даже в госпитале искали! – я затеребила край ее униформы. – Хотели по трактирам спрашивать.

– Как куда? – удивилась подруга. – Меня же Лео к профессору отвел. Он что, не сказал?

Мы обменялись взглядами с Ирмой и потребовали подробностей. Ирма снова обиделась, я тоже не понимала, почему Лео нам ничего не сказал. Он же доброе дело сделал, тут бы как раз потребовать благодарности, а он вдруг промолчал. На него это совсем не похоже! Или просто решил оставить нас в неведении, чтоб мы нервничали? Магам нельзя нервничать. Или просто после дурацкого спора назло решил сделать? Или к профессору подлизаться, а до нас ему и дела не было?

Дженни рассказала, что по новому циркуляру, пришедшему в почтовое отделение, ее обязаны были уволить. Она же регистратор-сортировщик, им дар не нужен, хватит внимательности и аккуратности. Но циркуляр подписал отец аспиранта Холли. Он же магистр аэмоции, полковник-почтмейстер! Чтоб показать свою власть гордой девушке. Она недостойна им сапоги облизывать, пусть знает свое место.

Гордость при ней осталась, а должность уже нет.

А когда она вернулась домой, хозяйка ее выставила. Ей соседки всякого-разного наплели. Вот и пошла она с саквояжем искать, где поесть и переночевать. Налетела на Лео в потемках. Он ее повел к профессору, потому что слышал, как тот сетовал на то, что его ассистент получил распределение и уехал в Аруа-Дава. А ему нужен тот, кто не повлияет своей аурой на материалы при сборке, совершенно нейтральный, бездарный человек! Но аккуратный и честный, да еще и любящий магию.

Обычные люди от магов шарахались, не ожидая от магии ничего хорошего.

Профессор ее принял и очень обрадовался, что она сможет еще его корреспонденцией заниматься, языки знает и руническое письмо. Жалованье ей положил в три раза больше, чем на почте, выделил прекрасную комнату, и питаться она тоже будет у него в доме.

Кухарка у него сущий монстр, но готовит, как и короли не едали!

Мы были очень рады за подругу. А то ведь никакими медитациями тревога не снималась.

– Погоди, так тебя правда похитили? Нас всех допрашивали.

– Да я не помню ничего, отошла от калитки к дому, потом искорки синенькие, а очнулась в полицейском участке. Сама не знаю, – Дженни развела руками. – Получается, меня оглушили, понесли, а тут патруль. Решили, труп несут, ввязались в драку. Злодеи убежали, а меня подобрали и тут же опознали, участок в трех домах от почты, примелькалась.

– Ну, профессор-то тебя точно защитит! К нему во двор так не залезешь, как к твоей хозяйке!

А если учесть, что там больше нет ни дома, ни кола, ни двора, тем более. Зачем туда лезть? Местная достопримечательность, пример работы черного мага.

– Это точно, профессор очень серьезный мужчина, – согласилась Дженни. – Зато любит, когда его хвалят. И мне разрешил посещать лекции первого курса! Для повышения образованности в магическом плане. Теорию-то я могу выучить и освоить!

Мы с Ирмой обрадованно переглянулись. Если мы будем заниматься вместе, то Дженни будет легче, а нам понятнее. Дженни как-то умела объяснить два листа заумных рассуждений

буквально на пальцах. Ирма обещала надрать Лео уши, когда увидит. Мы ведь всерьез переживали.

Дни летели, как листья с кленов.

Сессия становилась все ближе, но мы не особенно беспокоились – пробелов у нас не было. Откуда им взяться, если мы постоянно решали за других задачки и делали чертежи! Ночью разбуди – тут же оттарабаню все основные узлы заклинательского ряда! Или ряд магической напряженности металлов. Или типы кристаллов и особенности их кристаллической решетки. Или растения, усиливающие потенциал мага. Понятное дело, что мы не учили зелья и ботанику, как зельевары и целители, но бытовые зелья, простейшие лечебные, да хоть бы от простуды, обеззараживающие, противовоспалительные, это все мы к концу года будем уметь делать.

Лео мы видели пару раз, но с целительницей с третьего курса.

Ирма сразу начала причитать, что Лео, наверное, заболел. Конечно, что еще подумать, если он ходит, опираясь на высокую, фигуристую целительницу! Конечно, помогает ей с практической работой, он же такой благородный!

Он Дженни помог, и вот, Оливии теперь помогает.

Лео такой отзывчивый!

Я лишний раз убедилась, что влюбленная женщина становится разом глухой, слепой и недогадливой, разум блокирует критику объекта любви. Она придумает любое оправдание любимому. Даже сними мы Лео с целительницы без штанов, она и то придумала бы оправдание. Лечебную манипуляцию отрабатывали, вот! Или экспериментальную работу проводили…

Успеваемость Лео ощутимо просела, но они с Филиппом по-прежнему задирали нос.

***

– Какой хорошенький! – воскликнула я.

Ирма фыркнула. Ну да, свет сошелся клином на Леонарде, все остальные парни не заслуживают заинтересованного взгляда.

А по-моему, так очень заслуживают! Не на Филиппа же смотреть, который вслух называл нас «дворняжками».

Парень был действительно хорош! Русые вьющиеся кудри до плеч, голубые глаза, плащ воздушника. Не белый, а голубой, значит, основное обучение закончил. Аспирант. Это намного лучше, чем студент! У него знаний больше, и он будет полезнее для учебы, чем наши скорбные умом одногруппники. И не надо фыркать, я же не с любовной целью! Это у парней свербит и чешется ниже пояса, а нам надо спор выиграть.

Такой союзник пригодится!

Я не успела изложить свои рассуждения подругам.

Дженни вдруг презрительно хмыкнула, а парень посмотрел на нас и удивленно поднял брови. И решительно двинулся к нам.

– Вы что, знакомы? – прошептала Ирма.

– Донья Эухения? Что вы тут делаете? – требовательно спросил парень.

– Знаете, по вашему совету я проконсультировалась с профессором Орт Аруши, и он сказал, что не часто видел такой потенциал, как у меня! Теперь будем часто видеться! Я вам очень признательна за совет! – Дженни подхватила нас под локти и потащила прочь от галереи, где мы проводили перемену.

– Дженни, что это было? – спросил Ирма, сгорая от любопытства.

– Это Марк Холли, – хмуро ответила Дженни.

– Тот козлина, из-за которого тебя уволили с работы?!

Я посмотрела на парня, который стоял в галерее и смотрел нам вслед.

А не скажешь, что козел, ведь какой симпатичный! Да, внешность – ловушка, в которую можно вляпаться со всей дури. Как Ирма в Леонарда.

Вывод – не надо смотреть на внешность. Вот вообще. Марк Холли нравился Дженни, я чувствовала, как ей больно и обидно сейчас обманываться в своих ожиданиях. Не как муж или любовник, но ей было приятно и интересно с ним общаться. Как с приятелем, другом. А что там вообразили его родители, дело другое. А он трус и мамсик, раз позволил так поступить с девушкой.

– Думаете, он не заметил, что на мне мантия технического персонала? – нерешительно спросила Дженни.

– Да когда мужики такое замечали? Из них половина дальтоники! – высказалась Ирма, а я согласно кивнула.

Только здесь мы с удивлением обнаружили, что для многих парней лиловый, фиолетовый и сиреневый цвета вообще визуально не отличаются. А кристаллы-то на практическом занятии надо выбирать точно по цвету! По насыщенности! Иначе ничего не выйдет. Темнее-светлее видят, а оттенки нет.

Реми устроил форменную истерику, когда в методичке было написано «фисташковый кристалл весом пять гран». Ко всем приставал и спрашивал, почему мы берем светло-зеленькие гранулы вместо желтовато-серых. Фисташки же желтовато-сероватые! Он ел, он знает! Какой-то девчачий заговор, чтоб свести парней с ума.

Дженни быстро попрощалась и убежала, ей профессор еще кучу поручений дал. Мы посмотрели ей вслед и направились в столовую. После обеда нас еще практическое занятие ждало.

– Ирма, ну как ты это видишь? – простонала я на геометрии потоков. Предмет давался мне очень плохо и требовал большой точности измерений. И использования формул. А их много! И они все похожие, а Ирма откуда-то знает, какую подставить и считает, как богиня магометрии.

– Откуда знаю, как я вижу, – сварливо отозвалась Ирма, выныривая с поднятым транспортиром из-под стола. – Я вот не слышу, как ты! «Н» звонкое, «н» глухое, «н» гортанное…

Я ухмыльнулась. Действительно, формулы заклинаний представляли собой жуткую абракадабру, которую было необходимо правильно произнести. А половины звуков в вейнском просто не было! Да еще тоны.

Вейнский не тоновый язык, а заклинания писались на старовейнском, пятьсот лет назад произнесенное с разным ударением слово могло обозначать совершенно разные понятия. Их многие не слышали, а мне почему-то это давалось легко. Я могла повторить совершенно точно любой звук за преподавательницей, и мне это ровным счетом ничего не стоило. Клементина даже обозвала меня лирохвостом, он отличается удивительным звукоподражанием, куда там попугаям.

Ну, хоть что-то! Хоть какой-то талант, помимо вышивания. Одногруппницы шипели, что это просто музыкальный слух. Не знаю. Уроки музыки у нас были, когда мы еще жили в Цехейме, но я не проявляла к музыке никаких способностей. Вот Моник пела и играла очень хорошо, мама очень гордилась и всегда заставляла ее музицировать перед гостями. Мне это было невероятно тягостно. Моник шипела, что у меня ни слуха, ни голоса нет, и отказывалась петь вместе.

Нет, петь я любила, но когда никто не слышит.

Домучив и сдав работу, мы устало переглянулись. На сегодня с уроками покончено, значит, надо идти в библиотеку и делать домашнее задание на завтра. Ирма неукоснительно следила за тем, чтоб ничего не осталось невыученным.

– Больше не могу! – я уронила голову на страницу учебника.

– А надо, – вздохнула Ирма.

Шум во дворе заставил поднять головы студентов от книг и журналов. Не выдержав, я подбежала к окну и выскочила на балкончик. За мной высыпали другие. Во дворе металась

какая-то зверушка, ее ловили два лаборанта, и мужчина в черной мантии с внушительным сачком.

Лаборанты азартно подбадривали друг друга, но руки тянуть к шустрому существу никто не торопился. Мужчина умолял быть аккуратнее, не повредить копательные плавники. Зверушка металась под кустами, время от времени пыхая огнем в преследователей.

– Опять у природников образец сбежал, – сказал над моим ухом какой-то старшекурсник.

– Образец?

– У них сумасшедший препод лепит зверюшек… ну, улучшает. Удойность там, шерстистость, не знаю, у каждой свое.

– А это что за тварь?

Вытянутое тело, как у рыбы, четыре плоские лапы, плоская морда с острым носом и огромная пасть, в которой зубы шли спиралью по всей внутренней поверхности. А вместо шерсти или меха крепкая чешуя. На спине торчит плавник и над передними лапами вместо лопаток тоже плавники. Тварь нервно их складывала, то прижимая к спине, то снова расправляя.

– Это огнеройка. Хуже кротов! Если такая пакость заведется в саду, считай, все. Надо все выкорчевывать и заливать бетоном. Или горячим битумом.

– Гляди, поймал!

Преподаватель ловко накинул сачок на тварь, завернул его и понес добычу за забор. Теперь понятно, почему лаборатории живой природы отделены от главного корпуса высоким забором!

Надеюсь, у нас не будет там занятий? Но интересно как! Надо взять справочник по бестиологии, почитать.

– У них летом огненные крабы сбежали, три штуки, – сказал старшекурсник. – Пожар был.

Я только выпучила глаза. Никогда не слышала о таком существе. Наш курс бестиологии ограничивался вредителями садов, насекомыми и грызунами, и домашними вредителями. Зачем бытовику знать больше? С опасными монстрами нам не придется сталкиваться. Это работа и специализация боевиков.

– Зачем придумывать новых тварей, если и без того хватает всякой опасной дряни? – нахмурилась Ирма. – У нас в позатом году гидра завелась, баранов таскала в болотину. Пришлось вызывать боевиков уничтожать тварь. С каждой фермы в округе собрали по сто пятьдесят далеров. Ужасный расход.

– Говорят, есть летучие крокодилы с крыльями!

– Они вымерли двести лет назад! – возразил специалист палеофауны.

Ирма взяла меня за рукав и потянула обратно в читальный зал. Нам совсем немного осталось доделать, а драконов, тифонов и мантикор пусть обсуждают парни, это их любимое занятие. Послушать, так каждый лично завалил по десятку. Будто от болтовни они сами становятся сильнее, отважнее и ловчее.

– В самом деле, глупо. И так всякий опасной твари навалам, еще и новую придумывать, – вздохнула Ирма. – Делать ему нечего, тому магистру!

– Вряд ли он ее, как опасную, придумывает, – попыталась я защитить неизвестного ученого. – Кто бы тогда его работы финансировал? Это же академия, тут план научных исследований существует. Раз он тут работает, значит, есть обоснование? Это же живая природа, там что угодно может не так пойти. Это не кристаллы по сетке наполнять маной, это же живой организм… у него, наверное, и насыщаемость другая совсем.

– У нас будет спецкурс «Уход за домашними питомцами». Запишемся?

– Конечно! Надеюсь, мантикоры не считаются домашними питомцами?

Мы весело захихикали.

У нас и так было очень плотное расписание, но Ирма сказала, что надо брать все знания, которые нам могут дать. Неизвестно, что может пригодиться и чем нам придется заниматься после академии. Почему бы не ухаживать за котами или собаками? Я животных люблю. Ирма отлично разбирается в овцах, козах и коровах, у них же ферма.

Но занятие у нас прошло всего одно.

Лаборант завел небольшое количество записавшихся на спецкурс в пустой зал, плотно закрыл двери и окна, и открыл коробку. Из коробки выбежали три огромных лохматых паука!

Стены дрогнули от визга. Каждый паук был размером в два кулака. Самой невероятной расцветки. Впрочем, нам было не до необычной яркости пауков. Я замерла на месте, а девчонки метались по залу и самозабвенно орали. Самые шустрые запрыгнули на подоконник и подобрали ноги, продолжая визжать.

– Дуры! – в сердцах сказал лаборант, загоняя замерших и сжавшихся от визгов и топота пауков обратно в коробку. – Это же породистые пушные пауки! Самая модная новинка для знати и предмет экспорта! Двести далеров штучка!

Глория Бундиаль закатила глаза и потеряла сознание.

– Рано вам спецкурс, подрастите еще, – лаборант взял коробку подмышку и покинул зал.

– Гло! – ее подружка Клементина подбежала к подруге. – Гло!

Ирма, прижавшись к стене, хватала ртом воздух.

– Это физкультура какая-то, а не уход за животными! – хихикнула первокурсница-огневичка. – Я так еще никогда не бегала!

– Ты же могла спалить гадких тварей! – возмутилась Клементина.

– Двести далеров? И платить кафедре живой природы за этих монстров? Почему ты не пришибла их стулом, бытючка? – огрызнулась огненная, задрала нос и вышла из зала.

– Нам, наверное, рано на спецкурсы ходить, – призналась Ирма дрожащим голосом. – Давай со второго курса начнем, да? Или с третьего?

– Паучки симпатичные были, – заметила я, подхватывая подругу под локоть. – Я боялась задавить их.

Ирма посмотрела на меня с искренним ужасом.

– Что? Хорошенькие! – не поняла я ее ужаса. – Ноги будто в бело-полосатых чулках, по краю туловища оранжевый пояс, и черная спинка. Шерстка пушистая. И глазки оранжевые!

– Ты не испугалась?

– Испугалась. Но скорее, от неожиданности. Они больше испугались наших прыжков и воплей. Надеюсь, мы им не навредили.

Ирма покрутила пальцем у виска.

Про пауков мы быстро забыли. Дженни нам принесла очень ценную вещь, прошлогодние вопросы к зачету по артефакторике, и честно предупредила, что профессор Ямбир ненавидит студентов, коллег и занятия, а больше всего – разгильдяев и лодырей. Он ученый, экспериментатор, а студенты ему мешают думать и проводить опыты. У него в доме аж четыре лаборатории!

Сдать ему зачет с первого раза задача достаточно сложная. Но с готовыми-то вопросами отчего же не сдать?

Мы засели в комнате, решили писать и заучивать наизусть по десять ответов в день. Подробных, качественных ответов. Если профессор слышит уверенное начало, обычно не спрашивает дальше, бережет свое время.

Чем ближе к сессии, тем тише становилось в коридоре, тем больше народу занимало места в читальном зале.

– Ирма, дай задачки списать! – Клементина протянула руку за тетрадкой.

– Фигу с маком, – грубо ответила Ирма.

Клементина удивленно округлила глаза. Она только что разглагольствовала о том, что в академии должны учиться исключительно дворяне высокого уровня, а дворняжек надо согнать в отдельное учебное заведение где-нибудь в Намутони, чтоб они не портили воздух столицы.

– Да ты! – Клементина скривилась. – Как ты смеешь!

– Как ТЫ смеешь рассуждать о своем превосходстве, если не в состоянии сама задачки решить?

– Я в состоянии! – взвизгнула Клеми. – Мне просто было некогда! Приличной девушке необходимо ходить в салон красоты чистить перышки! Я не успела.

– Мы неприличные. Твои перья – не мои проблемы, – Ирма уселась за парту.

***

Вместо преподавателя по теории магии вошел сумрачный магистр с эмблемой артефактора.

Мы с Ирмой недоуменно переглянулись. Артефакторика у нас только в понедельник и четверг, а сегодня среда. Заболел магистр Тенхалла, который вел у нас семинары?

– Магистр Мун Гуро, – представился артефактор и повесил на доску схему простенького артефакта.

Стеклянная бусина, веревочка, изогнутая железка, обмотанная медной проволокой. Мы снова переглянулись. Что за брелок?

– Это выпрямитель потоков, служащий для предотвращения искажения потока магии. Такими выпрямителями оборудованы все аудитории и лаборатории академии, – скучным голосом сказал магистр Гуро. – Ваша задача подойти к ящику, забрать пять бусин, пять отрезков медной проволоки, пять металлических заготовок и бечевку. К концу занятия нужно сдать пять готовых артефактов. У кого резерв выше двадцати искр, можете попытаться аккуратно зарядить артефакт. Вас уже учили отдавать магию? Наполнять предметы?

– Теоретически, – ответил за всех Реми.

– Я сказал: можете попытаться. Ничего страшного, мы понимаем, что вы всего лишь первый курс.

– Зачем им столько? – шепнула я Ирме. – Пятьдесят артефактов с группы…

– Ну, кто-то обязательно напортачит, мы же пока занимались только сборкой из готовых деталей, а тут материалы. Но схема совсем простая, – Ирма потерла руки, и высунув кончик языка, начала просовывать проволоку в бусину.

Магистр Гуро сидел на кафедре и смотрел в окно. Он совершенно не смотрел и не поправлял студентов. Я со своего места видела, что Глория наматывает витки шире, чем нужно, и у нее остался лишний кусок проволоки, который она, не долго думая, отрезала. Фил не просунул проволоку, а слегка наживил бусину на гнутую железку, искривив ее еще больше.

Реми, кое-как намотав проволоку, с хищным видом присматривался к бусине. Презрительно хмыкнул и направил широкий поток энергии в стекло.

Бусина взорвалась, осыпавшись стеклянным крошевом на парту.

– Не шевелиться! – рявкнул магистр Гуро, отвлекшись от созерцания облаков. Небрежным стягивающим пассом он начал выбирать песчинки стекла из волос, бровей и с губ Реми. – Сила есть, ума не надо? Какая маноемкость стекла, умник?

Реми только сопел и хмурил брови.

– Два децимагеля на грамм, – ответила Ирма. – Сюда войдет полтора магеля, если бусины одинаковые.

– Почему вы сразу не сказали? – возмутилась Клементина, у которой бусина только что развалилась пополам.

– А весами и головой вы пользоваться не умеете? – ехидно спросил магистр.

– Это работа для слабосилков! – презрительно заявил Лео. – Два децимагеля! Пфе!

– Вы уже справились? – неодобрительно поднял брови магистр. – Артефакты на стол!

Магистр пошел между столами, раздавая язвительные замечания.

– Единственный стол, на котором имеется что-то похожее на схему, я увидел там, – он указал на стол Ирмы. – Один человек из группы проверил направление витков! Они идут не слева направо, а справа налево относительно изгиба основы.

– Мои ничем не хуже! – громко сказал Лео. – Я Цунхве!

Магистр Гуро прищурился.

– Намотка неравномерная, затянутые участки перемежаются явными слабинами. Чтоб соответствовать великой фамилии, надо что-то из себя представлять, молодой человек!

Лео вспыхнул и ненавидяще посмотрел на Ирму.

– Зачем мы это делаем? – спросила Глория, отбрасывая заготовку на лоток. – Мы мало что пока умеем.

– Затем, что в них возникла большая потребность, – сухо ответил магистр.

После занятия Леонард пошел первым к выходу, со злостью сбросив испорченные детали в мусорный бак. Из пятидесяти выполненных артефактов магистр принял только пятнадцать, восемь из которых сделали мы с Ирмой. Можем собой гордиться.

– Лео! – позвала Ирма.

Но он сделал вид, что не слышит.

Мы не знали, что происходит.

Академия бурлила. Ходили слухи, что старшие курсы боевиков неожиданно сорвали на практику, хотя она у них по плану должна быть весной. За ними следом отправили целителей.

– Прорыв из Чародейного леса, – шептались во всех углах.

Ну, а зачем еще столько боевиков? Только уничтожать нечисть, ползущую из Чародейного леса. Мы ведь ни с кем не воюем. Не воюем ведь? Кто-то говорил о шайках разбойников, спустившихся с гор, кто-то о пиратах в Сингайском заливе.

До столицы нечисть равно не доберется, я не понимала волнения, витающего в воздухе. Тут Совет магов, тут академия, магистры, мы в самом безопасном месте Кэллавейна. Лучше защищен только королевский дворец. И я даже подозреваю, что не лучше: во дворце не шалят буйные юные проказники и хулиганы, там защита только от нападений извне, а у нас еще и изнутри

Ирма была так расстроена выходкой Лео, что даже уроки учить не стала. Я сочла за лучшее вытащить ее погулять.

Хоть и осень, но солнце светило ярко. Ирма тяжело вздыхала. Нежелание любимого даже поговорить ее сильно тяготило. Да Лео мизинца ее не стоит! Но если бы я так сказала, мы бы поссорились. Поэтому мы молча шли мимо палисадников и магазинчиков по мостовой, щурились на солнце и глядели по сторонам.

Постепенно солнце и ветер делали свое дело, лицо Ирмы слегка посветлело, она начала замечать прохожих и дома.

Дома́ на Горчичной это отдельная песня! Улица застраивалась при Эндикотте Справедливом, а тогда в моде был готический стиль: высокие островерхие крыши, стрельчатые окна, витражи и витые колонны. Не дома, а игрушечки! Ни одного похожего.

– Давай зайдем к Дженни? – предложила я, задержавшись у дома с горгульями на крыше.

– Да как это будет выглядеть? Ввалиться к профессору домой? Нехорошо, – сморщила нос Ирма. – Сплетни пойдут.

– Мы же не к нему, мы к Дженни. Мы ее давно не видели. Постучим тихонько, если она занята, то уйдем, мешать не станем.

Дженни обрадовалась и затащила нас в прихожую, выстеленную черно-белой плиткой.

– Как здорово, что вы пришли! Поможете мне немножко?

Мы с готовностью закивали. Дженни не так часто просила о помощи. Да и интересно было очутиться в лаборатории магистра.

На столе мы увидели ящик со стеклянными бусинами, мотки медной проволоки и поднос железных загогулин. Мы переглянулись и засмеялись.

– Что с вами? Хохочете, как гиены! – нахмурилась Дженни.

Ирма ткнула пальцем в материалы и снова залилась смехом.

– Дженни, мы это сегодня две пары собирали! Вместо теории магии! – выдавила я, всхлипывая от смеха.

– О! Значит, умеете! – обрадовалась Дженни еще больше.

До сумерек мы болтали и вертели эти заготовки. Втроем оказалось очень удобно их собирать: я нанизывала бусины на проволоку, Дженни делала петлю, а Ирма наматывала на железки. И полезного сколько сделали, и кости перемыли всем студентам и преподавателям, и Ирма отвлеклась от своих переживаний.

Профессор заглянул только раз. Дженни нас представила, мы вежливо поклонились. Магистр Ямбир одобрительно кивнул и исчез.

Мне показалось, что Дженни знает намного больше остальных о назначении этих артефактов, но она ничего не говорила, только работала. Заряжал их профессор все одновременно, поместив поднос в большой кристаллический облучатель в соседней лаборатории. У нас в аудитории стоял поменьше, не такой мощный.

– А если мы плохо сделали? – забеспокоилась Ирма.

– Значит, лопнут, – хладнокровно ответила Дженни.

Сигнал звякнул, мы вытаращили глаза, глядя, как профессор Ямбир в защитных перчатках достает короб заряженных артефактов. Бусина каждого светилась ярко-зеленым светом. Ни один не сгорел и не лопнул!

Мы радостно запищали и обнялись все втроем.

– Отличная работа, девушки, – кивнул профессор. – Молодцы! Донья Тиман, донья Фада, я не буду возражать, если вы будете приходить в мой дом. Бытовики вообще славятся аккуратностью и прилежанием, рад, что у моей ассистентки дельные подруги. Вам будет заплачено. Государственный заказ! Дженни, упаковывай выпрямители в стружку, люди ждут отправки.

Мы пошли в академию, страшно заинтригованные. А там нас ждала сногсшибательная новость. Магистра Мар Абеши с кафедры природной магии арестовали прямо на занятии.

– Так и повели в антимагических наручниках! – всплескивала руками Лиза Феркогу из параллельной группы. – Королевские гвардейцы!

Невероятно! Но ведь в академии своя стража, если они пропустили гвардейцев, то дело очень серьезное. Королевский приказ, не меньше! Да и не бегают гвардейцы за каждым мошенником и взяточником, на это городской стражи хватит. Тут или измена, или заговор. На кафедре живой природы велось расследование, мы видели, как каждое утро за забор шла целая группа хмурых магов со стражей.

Клетки с животными погрузили на повозки и увезли. Личность арестованного магистра склоняли на все лады. Неудачник, сумасшедший, ни один его аспирант не защитил диссертации за последние пять лет, зверюшки у него пачками мерли, а коллеги открещивались от участия в его экспериментах. Завкафедрой проклинал тот день, когда Мар Абеши устроился к ним на работу. Над ним в академии только ленивый не смеялся.

Мне почему-то было жалко мага.

Он так нежно тогда нес эту огнеройку! И паучки симпатичные. Это ведь он их вывел, а сейчас в столице чуть ли не двадцать питомников, я узнавала. Паучки различают домочадцев, привязываются к хозяину, отлично ловят крыс и мышей. Чем не кот? Немного непривычно, да и только. Ну, не похож магистр на отъявленного злодея. А теперь, после ареста, даже если его выпустят, его научную карьеру можно считать оконченной. Вряд ли ректор примет обратно скандально известного преподавателя.

На фоне происходящих событий фулирская грамматика плохо лезла мне в голову. Вместо заковыристых пиктограмм я видела грустные темные глаза магистра. Как он идет в окружении гвардейцев, растерянно оглядываясь на башни академии, а из окон смотрят злые лица и ни одного сочувствующего. Как же ему паршиво сейчас.

Ничего сложного в фулирском нет, язык крайне простой, там нет спряжений по падежам, склонений по лица и числам, нет временных конструкций. Зато есть очень заковыристые буквы, каждая, как маленький рисунок. Пятьдесят шесть букв. А с рисованием у меня было не очень. Говорила-то я хорошо, лучше многих, а вот писать не могла совершенно. Я и по-нашему не очень карябала. А уж там, где наклон черточек и размер кружочков имел значение, и вовсе плавала.

Вот Ирма просто обожала эти кракозябры-пиктограммы, и как-то очень легко их запоминала. Чем запутаннее они были, тем больше восторга у нее вызывали. На мой взгляд, они все были очень похожи. Нам преподавали основы, слоговую азбуку, вкупе с базовыми речевыми оборотами. Как-никак, ближайшие соседи через реку. Не могли подальше жить где-нибудь!

Ирма мне изобразила пятьдесят шесть карточек, я пробила в них дырочку, продела веревочку и каждую свободную минуту их перебирала, сверяясь с записями на обороте.

На перемене мы быстро сходили в столовую и сидели, переваривая обед, во внутреннем дворе академии, наслаждаясь последним неярким солнышком. Скоро обещали снег, над головой жалобно курлыкали улетающие в жаркую Чапилию птицы. Я перебирала слегка залоснившиеся карточки, когда Ирма вдруг взвизгнула.

– Там крыса! – подскочила она, роняя учебник.

– Ну, крыса, подумаешь! Не восьмилап же!

Но Ирма топала ногами и визжала. Нервы Ирмы были расшатаны до предела. Лео не хотел разговаривать с ней, избегал. В общем, очень было похоже, что он ее совершенно бросил.

Он и раньше-то общался с ней ради домашних заданий и контрольных, а после дурацкого пари ему не было никакой возможности списывать и пользоваться плодами ее труда. Ирма страдала и мучилась, плохо спала, винила себя в холодности и неумении понять желания любимого. Надо было ему не только домашку делать, но и обслуживать сексуально, тогда бы он ее ценил. У парней же есть потребности, а она была нечуткой, эгоистичной и жестокой, вот Лео и не хочет больше с ней общаться.

Вот что с ней делать? Бред несет и верит в него!

– Совсем истеричкой стала! Прекрати! Сходи к лекарю, попроси успокоительную микстуру! – не выдержала я.

– И ты! И ты против меня?! – Ирма схватила сумку и убежала в слезах.

Ну вот, обидела подругу. Придется догонять и мириться. Я глянула в угол, куда тыкала рукой Ирма. Там действительно шевельнулось что-то серое и пушистое.

– Цып-цып-цып, – сказала я и начала крошить кусок недоеденной с обеда булки.

Ну, крыса, что же ей, булки не хочется? Она не виновата, что крыса, а мне не жалко поделиться. Выжить в здании, где учится и живет полтысячи буйных магов, обходить хитрые ловушки и сторожевые заклинания может только очень умный экземпляр. Ветеран выживания.

Я тоже тут пытаюсь выжить, так что у нас много общего.

Серое существо шевельнулось.

– Кис-кис-кис, – я прищурилась и кинула кусочек поближе к несчастному зверьку.

Две лапки деликатно подняли кусочек, из свалявшейся шерсти блеснули красные глаза. Четыре больших глаза и несколько поменьше.

Я открыла рот. Никакая это не крыса! В угол забился пушной паук, наподобие тех, что нам приносили. Только невероятно грязный и оттого серый.

– Ты сбежал из клетки, да? Ты творение Мар Абеши? – сердце захлестнула жалость. Я наклонилась пониже.

Паук приподнялся, шатаясь и издал стрекотание. Да у него половина ног сломана. Бедная животинка!

– Я тебя боюсь, – предупредила паука. – Но если ты меня не будешь кусать, то я тебя вымою, полечу и покормлю.

Паук согнул мохнатые усики[1] и потер ими по челюстям. Раздался нежный вибрирующий звук.

– Ой, – я взялась за сердце. – Ты и мурлыкать умеешь?

Брать в руки паука было страшновато. Я обернула руки платком, и им же прикрыла паука. На грудке у него обнаружился тонкий ошейник, авось, и фамилия хозяина есть, просто сейчас так все измазано грязью, что не разглядишь. Ценная же животинка! А может, мне и награду выплатят, как нашедшей? Если паук, правда, стоит двести далеров? За двадцать далеров зимние сапожки можно будет прикупить!

Позабыв про фулирский, я прижала платок с притихшей живностью к груди и направилась в общежитие.

В купальне, к счастью, никого не оказалось. Я набрала в раковину теплой воды и положила в нее паука. Чем моют пауков? Скрутила носовой платок в виде кисточки и начала осторожно отколупывать комки глины со спинки и между лап. Грязь утекала в сливное отверстие, а паук стремительно светлел, оказавшись небесно-голубым. Шерстка была довольно длинной, мягкой и шелковистой. Точно породистый.

Удалось прочитать и табличку на ошейнике. Там было выгравировано «Линда Абеши». Значит, не он, а она.

– Бедная девочка, – вздохнула, намыливая шерстку. – Арестовали твоего хозяина.

Паучиха приподнялась и щелкнула челюстями.

– Ты пыталась его защитить, но их было много? – почему-то сразу поняла я.

И какая скотина отбросила пинком такую пушистую прелесть?

– Ты такая отважная девочка, смелая, сильная, красивая! Теперь мы тебя посушим и полечим.

Я ничего не знала о пушных пауках и не умела лечить. У нас первая помощь только во втором семестре начнется. Но решила, что магическая липкая лента вполне нормально зафиксирует вывернутые и сломанные ноги. Заживляющий эликсир есть в лечебнице, он нам вообще после каждой физкультуры требуется, надо только предъявить жетон и получить склянку. А в качестве лубков подойдут полые стебли рогоза, у озерца в парке его полно. Сейчас устрою паучишку в комнате и сбегаю.

– Извини, у нас, кроме сухарей и чая, ничего нет. Но я куплю тебе жареную сосиску с лотка! Будешь сосиску? Или тебе надо мясное пюре?

Паучиха Линда издала треск, который я расценила, как согласие.

Когда в комнату ворвалась Ирма, Линда уже была уютно устроена между книг на полке над моей кроватью, на мягком шарфе. Накормленная и обмотанная лентой-склейкой поверх желтоватых кусков стеблей рогоза.

– Салли! Где ты была? Ты пропустила магоматику!

– Ой! – тихо сказала я, опускаясь на кровать. – Магистр Кеуми меня отметил?

– А ты как думаешь? – фыркнула Ирма, швыряя сумку на кровать.

Это плохо. Магистр Кеуми и без этого крайне недоброжелательно относится к девушкам. Если он затаит зло… Зла у него на всю академию хватит!

***

Вернулись четвертый и пятый курсы боевиков с внеурочной практики. Какими же гоголями они ходили! Загорелые, обветренные, самодовольные. Сгорая от зависти, мы слушали их

[1] Не усики, а педипальпы, и конечно, не челюсти, а хелицеры, но Салли в анатомии пауков не разбирается.

безудержное хвастовство. Практика в Чародейном лесу, полном тварей, это то, о чем можно внукам и правнукам рассказывать.

И после каждой фразы слышалось: «Абеши, Абеши, Абеши». Он создал огненных крабов, он создал змеехырл, огнероек, винтокрылов, иглохвостов, спинобрюхов, туманников… Его непременно казнят!

А выпрямители работают! Они же нивелируют искажения магии, чтоб юные маги-недоучки не убились об свою магию, поглощают выплески, ошибки соединения потоков, возвращая течение магии в безопасное русло. И против извращенных тварей, созданных Мар Абеши, работают превосходно! Разрывают противоестественно соединенное.

Кафедру живой природы трясло и колотило.

На фоне всеобщей ненависти раздавались редкие голоса в защиту мага. Огненный краб, например, придумывался, как средство обогрева, света и живые консервы для исследователей пещер, рудокопов, геологов, лесников и пограничников. Спинобрюхи – для прочистки труб и канав ирригационных систем, у них же жесткое оперение с боков, на спине и на брюхе, и плавают они, все время вращаясь. Живые ершики!

А вот как гениальные придумки магистра Абеши попадали в Чародейный лес и другие места, где от них был сплошной вред… Это уж точно не магистр виноват. Подумать страшно, крепость Луангва пятнадцать лет стоит на страже наплыва тварей из леса! А муж у Дженни, оказывается, там и служит… Она обмолвилась, что была там, но рассказывать ей нечего, в лес не ходила.

Дженни была очень зла на мужа и сказала, что непременно с ним разведется. Мы с Ирмой не стали спрашивать, из-за чего. Изменил, скорее всего. Она очень резко отозвалась о нем и о ситуации с тварями.

– Мар Абеши тут не при чем, – твердо сказала она. – Из него козла отпущения сделали. У него не коллеги, а завистники и подлецы, не ученики, а предатели и мерзавцы. Продавали его работы фулирцам! Саботажники и вредители. Пять лет у него опыты не ладились, ни одной стоящей работы не получилось, а он считал это обычным невезением!

По отчетам кафедры, мало кто из тварюшек выживал. Чуть ли не стопроцентная летальность. Магистр и не подозревал, что его подчиненные вытворяли. Списывали животных, как погибших, дорабатывали его проекты, добавляли злостность, агрессивность, ядовитые железы приживляли, когти удлиняли, броню укрепляли. И продавали нашим врагам! А те распространяли, чтоб вызывать прорывы и распылять войска на их ликвидацию. Собирались выпустить разом целую прорву и под шумок убить короля.

Я ужаснулась. Сколько людей пострадало! Это же не один год творилось!

– Дженни, а ты откуда знаешь?

Дженни вздохнула и пробормотала, что магистр Ямбир на очень хорошем счету у королевской семьи, и она очень много слышит сведений, не предназначенных для посторонних ушей.

– Мы никому не скажем, – понятливо кивнула Ирма. – У нас занятий на той кафедре нет.

Занятий нет, а паучиха есть! Очень грустная и одинокая. Днем ей приходилось прятаться от Ирмы, а ночью охотиться. Я бы ее с радостью вернула хозяину, только как это сделать?

Пришлось покрутиться возле кафедры, поулыбаться лаборанту. Он и сказал то, от чего внутренности смерзлись в лед. Мар Абеши уволен. Он жил при академии, в общежитии, у него ни дома теперь нет, ни работы, ни жалованья. Кому интересно, что его выпустили и оправдали? Он черный маг!

Его репутация, как ученого и преподавателя, безнадежно уничтожена. Никто его на работу не примет, ни один университет.

Это было так несправедливо, что у меня слёзы на глаза навернулись.

– Вот, собрали его вещички, в кладовке два саквояжа стоят. Ничего у него больше нет. Он все деньги тратил на реактивы, артефакты и тварей.

– Обидно, наверное, потерять лабораторию и дело своей жизни, – сказала я.

– Это точно. Его теперь разве что золотарем возьмут.

– А вы мне скажете, когда он придет? За вещами?

– Зачем это? – удивился лаборант.

– Он мне книгу давал. Хотела вернуть.

– Дак принесите, я ее в саквояж положу! Ни к чему молоденькой студентке с черным магом общаться.

Идея оказалась скверной. Я улыбнулась сквозь слезы, согласилась и поплелась в комнату. Придется купить какую-нибудь книгу и принести, не библиотечную же отдавать.

– Ты видела, видела? – Ирма трясла газетой. – Дженни дали медаль за вклад в безопасность Кэллавейна! И премию – тысячу далеров!

У меня глаза на лоб полезли. Ничего себе! Такие деньжищи! И нам за помощь профессору заплатили по семьдесят далеров каждой! Семьдесят!

Я так и чуяла, что Дженни от нас что-то скрывает! Намного больше она погружена в государственные секреты, чем показывает. Надо к ней сходить! Непременно!

А потом я подумала, что удивляюсь зря. Магистр Ямбир виднейший ученый, с мировым именем. У него патентов и изобретений ужас сколько. В каждом доме есть его артефакты. Если он разрабатывает всякие нужные короне штуки, так и не удивительно, что Дженни тоже в этом варится, но у нее наверняка клятвы и подписки о неразглашении.

Мы со своим любопытством только навредить можем. Помогать будем, но лишние вопросы задавать ни к чему.

Мы никак не могли выкроить время. Вроде бы волнения улеглись, преподаватели вспомнили, что на носу сессия и взялись за нас со всем пылом. А во вторник, перед контрольной по геометрии тонких потоков Леонард объявил Ирме, что она ему не нужна и никогда не была нужна, что она деревенская дура, трясущаяся над своей девственностью, а ему от девушек нужно совсем другое.

При всех объявил!

Я безумно разозлилась. Я сразу поняла, зачем он это делает и почем именно сейчас! Его успеваемость значительно снизилась, он хотел выбить Ирму из спокойствия и уверенности в себе, заставить ее страдать и плакать. Она и учебу может бросить от горя и разочарования.

Пример был, Люси Феркогу из соседней группы отчислилась, ее парень потребовал бросить учебу, а она послушалась. Ни за что бы так не сделала, парни дело преходящее, а образование всегда при тебе. Любовь корежит судьбы. Не дам Ирме уйти из академии!

– Да как ты можешь такое говорить! – крикнула я, сжимая кулаки.

– Да она мне нафиг не нужна! Дворняжка! Если она признает себя побежденной, встанет на колени и скажет, что она дура, я выкрою для нее время в своем напряженном графике! Покажу ей, как восстанавливают силы взрослые маги!

– Ты не взрослый, ты испорченный мальчишка, бесталанный, ничего не стоящий без своей семьи! Ирма с таким же успехом могла принцессой родиться!

Все смеялись и наслаждались представлением. Я с горечью поняла, что нам с Ирмой никто не поможет, столичные аристократы никогда не признают нас ровней и относиться по-человечески не станут. Единственный способ утереть всем нос – выиграть дурацкое пари и стать лучшими на курсе.

– Обойдусь, – очень ровно и спокойно ответила Ирма.

Мне прямо страшно стало. Сколько же боли она сейчас давит и копит в себе. Так и сердце разорваться может! Если бы она затопала ногами, закричала, заплакала, ей было бы легче. Но Ирма не плакала. Спокойно приготовилась к контрольной.

– Дура! – заорал Леонард. – Я по-хорошему предлагаю! Так и будешь сидеть со своим жалким резервом без развития!

Это – по-хорошему? А как тогда выглядит по-плохому?

– Леонард, – вдруг вмешался Реми. – Ты ведешь себя недостойно дворянина. Девушка не шлюха, чего ты к ней прицепился? Радовался бы!

– Я прицепился? Да она мне прохода не дает! Письмами заваливает! Хотите почитать? – Лео достал из кармана стопку конвертов.

– Хотим! – застучали кулаки по партам.

Ирма сидела бледная, как снег, сжав карандаш между пальцев. Кажется, что-то сухо хрупнуло. Хлипкие карандаши делают, негодные.

Так нельзя! Делать потеху из чужих чувств! У меня в груди запекло, будто туда углей насовали. Огненный ручеек потек по руке, кисти, пальцам. Я выпрямила руку и скомандовала:

– Бурн!

Конверты вспыхнули и осыпались хлопьями легкого серого пепла, а Лео вскрикнул, встряхнув обожженной рукой. В полной потрясения тишине я подошла к нему и отвесила звонкую пощечину.

А потом сразу стало темно.

Глаза я открыла в лечебнице. Надо мной стояла сурового вида пожилая целительница и три студентки в зеленых мантиях.

– Очень показательный случай тотального истощения! Обратите внимание на кожные покровы и слизистые, – сказала целительница. – Петехии[2] видите? Температура тела снижена.

– Она очнулась, – пискнула одна из девушек, встретившись со мной взглядом.

– В самом деле, – согласилась целительница. – Милочка, как вы себя чувствуете?

Как оболочка лопнувшего воздушного шарика. Как фантик от конфеты. Как пух одуванчика. Звенящая легкость и полная неспособность пошевелиться.

– Никак, – онемевшие губы не хотели шевелиться.

– Вот именно! – целительница уставилась на меня, как на нечто гадкое и противное. – Как вам пришло в голову участвовать в дуэли, с вашим ничтожным потенциалом?! Не понимаю, как вас вообще приняли в академию! Вы могли выгореть начисто! Совсем ума нет?

Какой еще дуэли? Что она говорит?

Пока целительница отчитывала меня, одна из девушек взяла стакан с тумбочки и вложила в него соломинку. Затем подсунул руку мне под голову и дала напиться.

Горячее, невероятно сладкое питье блаженной волной прошлось по пищеводу. Сил будто сразу прибавилось, а голоса стали громче.

– Хулиганам и дебоширам нечего делать в академии! – продолжила обличительную речь целительница. – Я подам рапорт декану вашего факультета, экселенцу Веласко! Донья Бьянка, что вы делаете? Почему не слушаете? Перед кем я тут распинаюсь?

– Простите, донна Буафло, – девушка выпрямилась и сложила руки на фартуке. – Вы сами говорили, что горячее обильное питье входит в первую неотложную помощь при истощении! Чем раньше она будет оказана, тем больше шансов на восстановление работоспособности мага.

– М-да, – целительница перевела взгляд на меня. – Я говорила: «Горячее, обильное и сладкое питье»!

– Да, донна Буафло, – девушка смиренно опустила голову.

Целительница достала артефакт на цепочке и начала им водить надо мной.

---

[2] Петехии - мелкие точечные кровоизлияния под кожу или слизистые оболочки, которые выглядят как красные, бордовые или фиолетовые точки 1-3 мм.

– Жалкие четыре искры, недоразвитое ядро, как у семилетнего ребенка. Вам попросту противопоказано учиться магии! Вы перенапряжетесь и выгорите на первой же практической работе. Сидите дома и ищите жениха. Не с вашими данными мечтать о дипломе мага!

Целительница передала артефакт ученице, и та стала водить им надо мной, повторяя действия преподавателя.

– Но, профессор, – робко сказала девушка. – Ядро действительно маленькое, но плотное и яркое. А стенки удивительно толстые! Проксимальные меридианы прекрасно держат форму даже при пустом ядре. За счет собственной пульсации каналов мана завихряется и умножается...

– Глупости! – Оборвала ее целительница. – С такой крошкой магии нечего делать даже в начальке, не говоря уже об академии!

– Да, донна Буафло.

– Не равняйте по себе, – мягче сказал целительница. – На бытовом в этом году есть настоящие звезды! Клеми Тизоле, например! Гло Бундиаль. Или баронет Нуаре! Он спокойно мог бы учиться на боевом!

– А почему он туда не пошел? Престижнее ведь, – вполголоса проворчала ученица, не поднимая глаз.

Целительница снисходительно на нее посмотрела.

– Как единственный наследник барона Нуаре, Филипп понимает свою ответственность перед родом и проявил похвальное благоразумие. Не сражениями едиными жива армия. Снабжение и обеспечение нужд защитников отечества тоже благородная задача. Идемте в другую палату.

Студентка задержалась.

– Не обращай внимания, – прошептала Бьянка. – Она тетка Тизоле и аристократка до мозга костей. Ты молодец. Резерв восстановится за пару суток, ты не выгорела, а это главное. Недостаток резерва всегда можно восполнить накопителями!

Подмигнув мне, девушка убежала за наставницей.

***

Через два дня меня выписали.

В коридоре со мной здоровались даже те, кто раньше проходил мимо.

Надо было врезать Цунхве раньше, кто бы знал, что мой поступок встретит такое одобрение! А про дуэль выяснилось просто – драка на занятии автоматически означает исключение. Дуэль между дворянами – другое дело. Я имела право отстаивать честь подруги, на этот счет правила оставляли лазейку. Кто первый крикнул про дуэль, я не знала, но этот студент или студентка оставили мне шанс на образование.

Однако целительница Бьянка дала полезный совет. Кто может знать больше о накопителях, как не Дженни? Она же бездарная, а у профессора постоянно ими пользуется.

У него половина приборов на магии, не включишь, не откроешь, не активируешь. Между прочим, на артефакторском проходной уровень выше, а у Леонарда Цунхве сил хватило именно на бытовой. Так что он ничуть не сильнее Ирмы, просто она его для себя поставила на пьедестал, а себя записала в восхищенные рабыни. Зря, конечно.

Ирма обрадовалась, что я полностью восстановилась, но сухо попросила в ее отношения с Лео не лезть. Она до сих пор верила, что у них есть какие-то отношения!

Но идти к Дженни согласилась. Надо было поздравить ее с наградой. Интересно, ее приглашали во дворец?

Мы купили коробку пирожных и постучали в дверь дома с горгульями.

Дженни напоила нас чаем и повела в лабораторию, как раз ей требовалось рассортировать доставленную для профессора галтовку[3]. Приятные обточенные бляшки ласкали пальцы. Какие красивые! Ониксы, агаты, яшма, сердолик, опал, бирюза, лазурит, кварц. Целый прибой разноцветных камешков.

Дженни сказала, что во дворце ей нечего делать, пусть чествуют магистра Ямбира. Выпрямители его изобретение, вот пусть его и привечают.

Руки ее работали, но складка между бровей не разглаживалась.

– Если бы не знала, что у тебя никого нет, я бы сказала, что ты влюбилась. – сказала я. – Все признаки налицо! Молчишь, вздыхаешь, сохнешь. Ты о муже беспокоишься? Все-таки любишь его?

Дженни только фыркнула.

– Скорее Фил сделает тебе предложение, чем Дженни влюбится, – ответила Ирма.

– Почему бы Филу не сделать мне предложение? – обиделась я. Он дворянин, я дворянка, мы равны.

– Баронет? – хмыкнула Ирма. – Он не женится на нищей провинциалке, будь у тебя хоть самый высокий уровень магии! А Дженни все взвесит, рассчитает, потом скажет «Нет». Ни разу не слышала, чтоб ей приглянулся хоть какой-нибудь парень! Реми уже и надеяться перестал.

– Реми просто мне не нравится, – вздохнула Дженни. – И потом, я дворянка, а он получит личное дворянство только после того, как закончит образование и защитит диплом. У него не будет права на герб, разве что в мой род перейдет.

– Вот и я так говорю! У Дженни часы вместо сердца!

Услышать такое Дженни наверняка было очень обидно. Я пихнула Ирму локтем.

– Ирма, ты злая! Если тебя бросил Лео, так Дженни тут не при чем!

На глазах Ирмы выступили слезы.

– Ирма, прости! – спохватилась я. – Ну давайте, когда доделаем, съездим куда-нибудь погулять? Все вместе? Проветримся? А то от ваших скучных физиономий мухи дохнут!

– В Аранманай! – предложила Дженни. – Дворец очень красив зимой…

– Хвост морозить? Нет, давайте уж тогда в театр сходим.

В театр договорились сходить в воскресенье. На комедию, хватит уже историй о несчастной любви.

***

Линда жалобно стрекотала, потирая усиками мордочку. Ирма старательно отводила взгляд. Кто ее просил лезть на мою книжную полку? Спросила бы, я ей подала бы атлас по ботанике. И нечего так визжать было.

– И вот это жило тут? Я могла умереть от страха!

– Линда умная девочка, отлично понимает, кому можно показываться, а кто ничего не понимает в красоте! – с упреком сказала я. Вот выпустят магистра, и Линда к нему вернется!

Ирма встала и задумчиво потерла филей, на который плюхнулась, увидев на полке Линду.

– Погоди, вроде бы сегодня видели Мар Абеши в академии…

Я подхватила Линду и выбежала из комнаты. Насколько могу судить, Мар Абеши в академии не задержится. Как бы его не побили!

Поднялась по лестнице и выглянула из-за угла. Дверь в ассистентскую кафедры живой природы была открыта и там орали. Затем в коридор вылетел саквояж.

Знакомый лаборант прижался к стенке и притворился, что его тут нет, потихоньку продвигаясь к лестнице. Из ассистентской вышел Мар Абеши с выражением крайнего отчаяния на худом лице. Пнул саквояж.

---

[3] Галто́вка — это процесс обработки материалов (камней, металлов, деталей и др.), при котором сглаживают острые края, убирают неровности за счёт трения, чаще всего в специальном барабане или вибрационной установке.

Затем открыл его, достал сложенную преподавательскую мантию и запустил ее в ассистентскую.

Пора! Я присела на корточки и опустила Линду на пол. Та радостно зажужжала и побежала к хозяину со всех лап.

– Линда! Линдочка!

Злобный черный маг, ужас всех природников, проклятие Совета магов, упал на колени и прижал к себе голубую пушистую подушку с лапками. Линда громко замурлыкала, вцепившись коготками в куртку магистра.

Куртка, кстати, висит, как на пугале огородном. О скулы порезаться можно. Вряд ли магистра закармливали в тюрьме, держали, скорее всего, в антимагических наручниках. Я вытерла непрошенную слезинку.

– Кх-м, – на пороге ассистентской воздвигся декан природного факультета. – Я, конечно, рад, что вы оправданы, но Совет магов прислал распоряжение вас уволить, и я ничего тут не могу сделать! И ректор не сможет! Скажите спасибо, что вам оставили звание магистра! А могли бы его лишить и запечатать дар!

– Спасибо, – отозвался Мар Абеши, потираясь щекой о пушистую спинку Линды с закрытыми глазами.

– И не я давал распоряжение вас выселить! Это комендант общежития распорядился! Вы меня не слушаете, Эммет?

– Нет.

Мар Абеши встал, бережно держа паучиху. Пнул еще раз саквояж и пошел по коридору.

– Но как же… куда вы пойдете? – забормотал сбитый с толку завкафедрой. – Подождите! Эммет, может, нам еще и получится вместе поработать! Поверьте, я с большим уважением отношусь к вашему таланту…

– Не относитесь, – отрезал Мар Абеши. – Вам совершенно наплевать на меня и на мой талант. Вы просто боитесь, что я, как черный маг, могу вам отплатить порчей или проклятием.

– Это подсудное дело! – взвизгнул декан, отступая в кабинет.

– Только это меня и останавливает. Мне не понравилось в тюрьме, – вздохнул магистр.

Лаборант отлепился от стены и протянул магистру еще один саквояж.

– Ваши личные вещи, магистр. Я сам забрал их из вашей комнаты. Книги, бумаги, лабораторные журналы.

– Спасибо, Берт. И спасибо, что не стал поливать меня грязью. Я читал протоколы допроса. Удачи!

Магистр подхватил саквояж и начал спускаться. Я сделала вид, что поднимаюсь по лестнице, а вовсе не подсматривала и подслушивала. На меня магистр не обратил никакого внимания, а Линда вдруг жалобно застрекотала.

– Не грусти, еще увидимся, – я машинально протянула руку и погладила ее по спинке. Поняла, что делаю, увидев полный изумления взгляд магистра. А глаза у него очень красивые! Темно-серые, как грозовое небо.

Я ойкнула, покраснела и побежала наверх.

Дура!

***

Экзамены нагрянули совершенно неожиданно. Вроде времени оставалось вагон и тележка, а вот, сегодня сдаем магоматику, завтра геометрию потоков, хорошо хоть, по ботанике и истории магии мы получили оценки автоматом. Предстояло сдать еще теорию плетений, астрономию и руны. За конструирование артефактов мы совершенно не переживали, Дженни так нас натаскала, что мы знали предмет получше некоторых аспирантов! Завалить нас мог только профессор Кеуми, и он очень старался.

Но мы хотели получать повышенную стипендию, и выучили лекции и учебник практически наизусть.

Ирму он пытал чуть ли не час, но она вышла сияющая и счастливая. На меня сил у профессора, видимо, не хватило. Он проверил каждую буковку в решении задачи, но придраться было не к чему.

– Знайте мою доброту, – пробурчал он, возвращая зачетку.

Почему злые люди хотят, чтоб их считали добрыми и великодушными? Он не простил бы не единой малюсенькой ошибочки! Завалил же он Клементину с явным удовольствием! Чуть ли не причмокивая от наслаждения. Глория еле- еле получила тройку, хотя отвечала вполне уверенно. Мог бы и четыре поставить, кровопийца.

Леонард и Филипп получили пятерки, хотя их ответы были несравнимо хуже наших. Но магистр терпеть не мог женщин в магии и пакостил, как мог.

Геометрию потоков принимал наш декан, экселенц Веласко. Мне кажется, он был доволен, что я отвечаю очень бойко. Это ведь он спас меня, когда магистр огня хотел меня вытурить.

– Прекрасно, донья Фада, поздравляю!

Теорию плетений, астрономию и руны мы сдали совершенно не напрягаясь.

– Посмотрим, что ты будешь делать на алхимии, заучка, – прошипел Фил и дернул меня за косу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.